

онъ сказалъ наконецъ, что приговорилъ Борковича къ уплатѣ гривенъ родственникамъ покойнаго воеводы, но не отниметъ у него свободы и не казнить... А тѣмъ, кто обвинялъ старосту въ измѣнѣ, король сказалъ, что онъ заставитъ его дать свое письменное ручательство въ томъ, что онъ будетъ служить ему вѣрой и правдой, подѣ страхомъ смертной казни.

Есендзъ Суховилькъ вынужденъ былъ приказать канцлеру заготовить таковой документъ.

Такимъ образомъ, когда всѣ считали Борковича погибшимъ, онъ спасся, благодаря своему присутствію духа, разуму, хитрости и слѣпому счастью.

Всѣ изумились и стали обвинять короля въ неумѣстной добротѣ и въ необъяснимой слабости.

Коханъ, знавшій своего государя, двусмысленно улыбался и ворчалъ:

— Всѣ набросились на него и никто не замолвилъ за него ни одного добраго слова, а потому и не могло быть иначе.

Борковичъ, призванный выслушать приговоръ, упалъ передъ королемъ на колѣни, билъ себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и ручался, что онъ готовъ отдать свою жизнь за государя.

Преувеличеннае проявленіе привязанности произвели на Казимира непріятное впечатлѣніе. Показывая себя съ этой стороны, Борковичъ не рассчитывалъ, что король умѣлъ инстинктивно отличать ложь отъ правды.

Казимиръ выслушалъ его съ нахмуренными бровями и холодно отпустилъ его. Борковичъ вскочилъ и скорѣе направился къ выходу; но въ это время слышалъ позади себя его голосъ:

— Я простилъ васъ, староста, но помните, что всякая доброта, милость и терпѣныя лопаются... Больше не рассчитывайте на мою снисходительность, если еще разъ въ чемъ либо обвинять васъ...

Борковичъ, подписавъ документъ въ своей вѣрности королю въ присутствіи многихъ свидѣтелей и сѣрѣнивъ его своей печатью, оставилъ замокъ счастливый, торжествующій и дерзновенный больше, чѣмъ былъ до этого времени.

Въ гостиницѣ ждали его возвращенія великополяне, которыя пріѣхали съ нимъ и въ которыхъ онъ былъ вполне увѣренъ.

Староста, не обращая вниманія, гдѣ онъ находился, ибо хозяйское помѣщеніе отдѣлялось только тонкой стѣнкой, закрывалъ еще на порогѣ:

— Все кончено! Поздравьте меня и знайте, что храбрость города беретъ! Я бѣлъ и чистъ, какъ повенъкая холстинка. Добрый, честный король позволилъ себя околпачить... Я говорилъ ему, что вздумалось, подписалъ, что мнѣ приказали, и теперь сдѣлался сильнѣе прежняго! Теперь пусть мнѣ кто-либо встанетъ поперекъ дороги!..

И прежде чѣмъ пріятели собрались отвѣтить ему, онъ еще прибавилъ:

— Съ такимъ королемъ я всегда сдѣлаю, что мнѣ заблаго-разсудится, какъ и всѣ тѣ, кто стоитъ близко къ нему. Сестра отнимаетъ у него корону для своего сына, Суховильскъ составляетъ законы, жидовка скоро надобѣтъ ему, а молодая королева—моя, и я увѣренъ въ ея милостяхъ ко мнѣ... Ну, а черезъ нее я дойду и до того, что ужъ намѣтилъ.

И Борковичъ приказалъ тотчасъ подать меду и вина, снялъ свою парадную форму, въ которой являлся ко двору, разстегнулся, распоясался, легъ на лавку и далъ волю своему языку.

Напрасно его сдерживали болѣе осторожные, но онъ ни на что не обращалъ вниманія и никого не боялся.

Сначала онъ хотѣлъ немедленно оставить Краковъ и ѣхать прямо въ Великопольшу, чтобы показать всѣмъ, что онъ взялъ верхъ надъ своими врагами; но потомъ передумалъ и сказалъ, что еще пробудетъ здѣсь денька два, три.

На слѣдующій день онъ сдѣлалъ визиты значительнѣйшимъ лицамъ, близко стоявшимъ къ королю, побывалъ у епископа Бозанта, и наконецъ, у Неорзы, который теперь сидѣлъ смиренно въ своемъ домѣ и только про себя сѣтовалъ на короля, постоянно называя его „холопскимъ королемъ“.

Неорза принялъ великопольскаго мятежника скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ довѣріемъ къ нему.

— А!—воскликнулъ онъ, — и вы прибыли на поклонъ къ королю... прощенія просить!.. Что, небось, теперь не думаете о вашей земской свободѣ?.. Языкомъ много болтаете, а какъ придется къ дѣлу, то и на понятный!

— Вы думаете?—возразилъ насмѣшливо Борковичъ.—Но

ошибаетесь во мнѣ! Я долго высиживаю своего цыпленка, но знаю, когда онъ вылупится изъ яйца, то будетъ на что по-смотреть...

— И выйдетъ болтунъ! — разсмѣялся Неорза, плюнулъ и пожалъ плечами.

Борковичъ изъ краснаго сдѣлался багровымъ, взглянулъ на него презрительно и произнесъ:

— Никогда у меня не было ни одной мысли, которую не довелъ бы до конца!.. Сами увидите, какъ я отторгну у него Великопольшу.

И онъ поднялъ свой здоровый кулачище.

— А можетъ быть я еще лишу его большаго, о чемъ не стану говорить, — разсмѣялся Борковичъ. — Увидите!

Неорза съ недовѣріемъ покачалъ головою и это раздражило старосту. Онъ наклонился къ его уху.

— Прежде чѣмъ княжна Ядвига сдѣлалась королевой, она была моей любовницей, — сказалъ онъ смѣясь: — и черезъ нея я буду здѣсь господиномъ...

Приэтомъ онъ показалъ изумленному Неорзѣ перстень на своемъ пальцѣ. Старикъ молчалъ.

— Король состарился, сдѣлался легковѣрнымъ и мягкимъ... Жена, если захочетъ и если я научу ее, будетъ повелѣвать имъ, только...

Борковичъ съ разу оборвалъ, не досказавъ своей мысли и они скоро разстались, потому что старостѣ еще надо было заглянуть кое къ кому.

Уже смеркалось, когда онъ, отправивъ своихъ слугъ въ гостиницу завернувшись плотнѣе въ епанчу, такъ чтобы его не узнали, осторожно проскользнулъ въ замокъ. Во время свадьбы онъ хорошо разсмотрѣлъ, въ какой части замка было помѣщеніе королевы и ея двора и поэтому прямо вошелъ въ комнату гофмейстерины Кондратьевны.

При видѣ его старая гофмейстерина, знавшая о его пребываніи въ Краковѣ, боясь, чтобы онъ не сказалъ чего-либо при дѣвушкахъ, тотчасъ удалила ихъ изъ своей комнаты.

— Какъ видите! — весело отозвался староста, — я опять здѣсь и не забываю своихъ старыхъ знакомыхъ... Но я не привыкъ уходить съ пустыми руками. Хотя королева въ

прошлый разъ отравила меня не особенно любезно, но я думаю, что она теперь сдѣлалась добрее и желаю видѣться съ нею.

Кондратьевна слушала его съ неудовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ поищите себѣ человѣка, который могъ бы доложить ей, — сказала она, — а я ни знать, ни вѣдать, ни слышать о томъ не желаю.

— Это ужъ я слыхалъ! Но я не позволю себя прогнать... Не доводите меня до крайностей, иначе будетъ худо. Это еще полбѣды, если я стану показывать перстенъ его и говорить, какъ и при какихъ обстоятельствахъ получилъ его... Но если я стану мстить, то скажу что было и чего не было!..

Борковичъ усмѣхнулся и подмигнулъ.

Старая гофмейстерина, уже привыкшая къ его упрекамъ, не проявила на этотъ разъ своего страха. Она посмотрѣла на него и равнодушно принялась за какую-то работу.

Борковичъ стоялъ въ напрасномъ ожиданіи и гнѣвъ его все больше возрасталъ.

— Ну, надумались? — спросилъ онъ.

— О чемъ мнѣ думать?! — возразила старуха. — Ступайте съ Богомъ, откуда пришли... Ничего здѣсь не дождетесь.

Вышедшій изъ терѣзья староста началъ тихо проклинать и браниться.

— Мнѣ некогда ждать, — прибавилъ онъ. — Завтра я долженъ уѣхать отсюда. Поэтому скажите королевѣ, что я буду ждать только десять дней... Если она согласится выслушать меня, то я приѣду такъ, что меня никто не увидитъ и не узнаетъ; а если отвѣтитъ, что она знать меня не хочетъ, то я докажу, что мы были знакомы съ ней... На десятый день къ вамъ придетъ мой хлопецъ за отвѣтомъ.

— Ну, я вамъ сейчасъ отвѣчу, — возразила старуха, кивая головой, — не трудитесь даромъ посылать вашего хлопца...

— Головой своей отвѣтишь мнѣ, старая вѣдьма! — воскликнулъ съ гнѣвомъ Борковичъ, — если не скажешь своей госпожѣ, что я приходилъ.

Сказавъ это, онъ грозно посмотрѣлъ на старуху, и ушелъ.

Но едва одна дверь заперлась за нимъ, какъ другая отперлась изъ комнаты королевы, и ея блѣдное лицо появилось на порогѣ.

При видѣ ея, старуха быстро встала, желая объясниться, но Ядвига не позволила ей говорить и сама строго сказала:

— У васъ дверь всегда для всѣхъ открыта!.. Съ сегодняшняго дня будетъ стоять у нихъ человекъ, чтобы никто не смѣлъ войти безъ доклада...

Кондратьевна опять хотѣла заговорить, но королева рѣшительно прибавила:

— Слышите?.. Такова моя воля!

Она повернулась и медленно ушла въ свою Комнату.

Разсерженный неудачей староста вернулся въ гостиницу, награждая по дорогѣ своихъ людей кулаками, заставъ ихъ въ сѣняхъ за пивомъ. Онъ приказалъ имъ готовиться въ путь.

— Больше намъ тутъ дѣлать нечего! — заявилъ онъ, — а дома — много работы... Завтра утромъ — на коней!

Великопол яне уѣхали до разсвѣта, никого не оповѣстивъ о своемъ отъѣздѣ; днемъ многіе приходили къ старостѣ, но его ужъ слѣдъ простылъ. Онъ ѣхалъ побѣдоносно прямо въ Познань, не боясь ни Вержбенты, ни другихъ своихъ враговъ. У него прибыло смѣлости, и когда товарищи посовѣтовали ему быть осторожнымъ, онъ только расхохотался:

— Съ этимъ королемъ я что хочу, то и сдѣлаю! Онъ знаетъ мою силу... Онъ устарѣлъ для борьбы со мною и скорѣе откажется отъ Великопольши, чѣмъ станетъ ссориться съ дворянами. Теперь я всѣхъ буду держать въ своихъ рукахъ!

Въ Познани ужъ ждали его возвращенія, такъ какъ изъ Кракова проникли слухи, что будто король намѣренъ сдать Борковичу правленіе всей Великопольшей.

Болѣе робкіе изъ его враговъ притихли. Вержбентъ смотрѣлъ и ухмылялся: только онъ одинъ не измѣнилъ ни своихъ убѣжденій, ни недовѣрія къ нему.

Борковичъ хоть и грозилъ ему втихомолку, но не смѣлъ его трогать послѣ свѣжаго еще происшествія съ дядей. Онъ зналъ, что не испугаетъ его, а прибѣгать къ насиліямъ не рѣшался.

— Повременю! — пробурчалъ онъ, — и ничего не потеряю отъ этого... Убрать его всегда не поздно, стоитъ только пожелать.

Онъ расположился въ Познани, какъ въ Козьминѣ, держа для всѣхъ открытымъ свой домъ и угощая всѣхъ дворянъ.

которые еще больше начали льнуть къ нему. Приѣхали братья и сынъ поздравить его съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

Такимъ образомъ время шло быстро на этихъ сборищахъ. Борковичъ какъ будто ждалъ чего-то, считалъ дни и говорилъ, что онъ ожидаетъ посла изъ Кракова съ важными для него извѣстіями, а съ какими—объ этомъ онъ умалчивалъ.

Прошло четырнадцать дней, а его хлопча, Хвалка, которого онъ оставилъ въ Краковѣ, все еще не было видно. Хвалкѣ было не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ проворенъ, ловокъ, исполнительенъ и горячъ, какъ огонь, и Борковичъ поручалъ ему такія дѣла, за которыя не взялся бы ни одинъ старикъ.

Староста постоянно спрашивалъ о Хвалкѣ; наконецъ, на пятнадцатый день вечеромъ, онъ явился на захромавшей лошади и тотчасъ отправился къ Борковичу, который съ нетерпѣніемъ ждалъ на порогѣ.

— Ну, съ чѣмъ приѣхалъ?—спросилъ онъ, смотря въ упоръ на парня.

— Почти ни съ чѣмъ,—возразилъ онъ.—Къ бабѣ теперь не допускаютъ и у дверей ея комнаты поставлена стража.

— И ты позволилъ себя прогнать, какъ муху?—крикнулъ Борковичъ, сверкнувъ глазами.

— Ну, нѣтъ!—обиженно отвѣтилъ Хвалка, что староста счелъ его такимъ неспособнымъ.—Вы приказали мнѣ не являться безъ отвѣта, и я долженъ былъ дожидаться его. Меня не пустили въ дверь; я началъ царапаться, какъ кошка, въ окно, и царапался до тѣхъ поръ, пока она не выглянула въ него. Я сказалъ, кто я, и этимъ достигъ только того, что меня прогнали съ замковаго двора, а привратникъ сказалъ, что если я еще разъ явлюсь, то меня прикуютъ въ башнѣ на цѣпь.

Слушая этотъ рассказъ, Борковичъ блѣднѣлъ, сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами.

— Вонъ!..—крикнулъ онъ, грозя ему кулакомъ.

На слѣдующій день, утромъ, онъ вышелъ къ своимъ друзьямъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Въ лицѣ его за ночь произошла большая перемѣна: онъ былъ злой и взбѣшенный. Въмѣсто обыкновенной бесѣды о Великопольшѣ, онъ только насмѣхался надъ королемъ, такъ что даже привыкшіе къ ироніи и самохвалству были удивлены особенному его настроенію.

— Это не нашъ, а жидовскій и холопскій король!.. Не даромъ ему дали такую кличку... Онъ не любитъ насъ, дворянъ, какъ мы любимъ его... Однако посмотримъ, что онъ запоетъ, когда рыцари возстанутъ противъ него... защитятъ ли тогда его жида и холопы...

— И королеву то подобралъ себѣ подъ стать!..— продолжалъ онъ.— Дуракъ! онъ не знаетъ, что я раньше его обнималъ ее!.. Не вѣрите?—прибавилъ онъ, поднимая руку.—Вотъ доказательство!.. Это кольцо она дала мнѣ въ память нашей любви, когда она была ужъ просватана, и это кольцо она получила отъ короля на обрученье.

Слушатели остолебли. Правда, всѣ знали и говорили объ его отношеніяхъ къ силезскому двору, но никто отъ него не ожидалъ такого явнаго самохвальства...

— О! королева! королева!—прибавилъ онъ, выпивая кубокъ вина.—Пусть ей Господь пошлетъ здоровья! И послѣ свадьбы она не забыла меня. Попрежнему я заглянулъ въ ея опочивальню.

Все это онъ сказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ лицъ и на завтрашній день эта новость переходила изъ устъ въ уста и помчалась эхомъ по всей странѣ.

Люди вообще мѣняются.

Старая Кондратьевна, знавшая княжну Ядвигу какъ вѣтренную, легковѣрную и веселую дѣвушку, не узнавала ее королевой. вмѣстѣ съ короной, возложенной на ея голову, у нея явилась серьезность, разумъ и достоинство. Хотя ея жизнь не была особенно веселой, однако она не хмурилась. Король не былъ для нея ни злымъ, ни добрымъ. Она чувствовала, что его сердце принадлежитъ другой, но не жаловалась и смотрѣла на него такими смѣлыми глазами, предъ взглядомъ которыхъ Казимиръ долженъ былъ уходить: она читала въ его душѣ.

Случалось, что король не видѣлся съ нею по нѣсколько дней и отсутствовалъ изъ дому. Одни говорили, что онъ на охотѣ, а стороною она слышала, что онъ отдыхаетъ въ Лобзовѣ. Но она никогда не спрашивала его и не обижалась: она не хотѣла быть ему въ тягость. Если онъ приближался къ ней, она не выказывала своего неудовольствія, какъ равно и не проявляла особенной вѣжливости.

Она была молода, красива, считала себя достойной привязанности, а потому и не хотѣла вымаливать у него любви.

Однажды утромъ, король ужасно удивился, когда Коханъ пришелъ доложить ему, что государыня проситъ удѣлить ей нѣсколько минутъ для разговора.

Это случилось первый разъ.

Казимиръ въ этотъ день не былъ расположенъ разговаривать съ нею, такъ какъ собирался ѣхать къ Эсеири, подарившей его недавно вторымъ сыномъ.

Онъ приказалъ Кохану отвѣтить, что если ей необходимо что либо сказать, то не можетъ ли она передать черезъ него.

Рава пошелъ къ Ядвигѣ, которая ждала отвѣта, и когда онъ передалъ слова короля, она смѣрила его холоднымъ взглядомъ и произнесла:

— Если королю некогда, то я могу подождать... Я не желаю мѣшать ему, но я лично должна говорить съ нимъ, скажите это ему.

Она высказала эти слова безъ малѣйшаго раздраженія; по костюму ея видно было, что она надѣялась видѣться съ мужемъ. Какъ по врожденному чувству женщины, такъ и по желанію быть всегда обольстительной, королева любила наряжаться богато, нарядно и съ большимъ вкусомъ, въ особенности въ тѣ дни, когда она надѣялась видѣть короля.

Когда Коханъ ушелъ, она вздохнула и медленно начала снимать съ себя драгоценныя украшенія. Но въ тотъ же моментъ вошелъ пажъ и доложилъ, что король сейчасъ придетъ. Королева покраснѣла, опять надѣлалась что снятыя съ пальцевъ кольца, посмотрѣлась въ маленькое зеркальце и медленными шагами пошла въ свою гостиную, въ которую одновременно быстро вошелъ король въ охотничьемъ костюмѣ.

Королева низко поклонилась и не особенно близко подошла къ нему.

— Вы хотѣли говорить со мною? — спросилъ король.

— Да, государь! — отвѣтила она дрогнувшимъ голосомъ. — Я должна поговорить... Выслушайте меня и если найдете справедливымъ, окажите мнѣ покровительство...

Лицо королевы облилось румянцемъ. Король внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Я молчала, пока могла, но въ данный моментъ ваше и мое достоинство страдаютъ...

Король съ напряженнымъ вниманіемъ и даже съ удивленіемъ слушалъ ее.

— Два - три дня тому назадъ, — съ усиліемъ продолжала она, — человекъ, которому вы даровали жизнь, похвалился въ присутствіи большого собранія, что онъ зналъ меня дѣвужкой и любилъ меня... и что я отвѣчала ему любовью... Кромѣ того, онъ осмѣлился сказать, что даже послѣ свадьбы... былъ въ моей спальнѣ...

Король поблѣднѣлъ и отскочилъ... Его лицо ужасно измѣнилось. Въ данный моментъ это былъ не тотъ равнодушный человекъ, которому опротивѣла жизнь, а оскорбленный и грозный монархъ.

— Правда, — прибавила королева смѣлѣе, — Борзовичъ бывалъ въ нашемъ домѣ и я встрѣчалась съ нимъ, но онъ подкупалъ слугъ, чтобы видѣться со мной наединѣ... Я была молода и неопытна, а слуги — негодяйки... Впущенный ими, онъ пробрался ко мнѣ въ комнату и насильно снялъ съ моего пальца кольцо, которое вы прислали мнѣ въ первый разъ на обрученье... Я виновата, что не закричала, но я боялась, что онъ можетъ быть жестоко наказанъ... Именно, этимъ кольцомъ онъ и хвастается... Но я клянусь Богомъ, что онъ никогда не слышалъ отъ меня ни одного добраго слова! Я презираю его!.. Этотъ нахаль, во время свадьбы, осмѣлился проникнуть въ комнату гофмейстерины, былъ на порогѣ моей комнаты и я прогнала его!.. Признаюсь въ томъ, какъ передъ священникомъ, — прибавила она помолчавъ, такъ какъ голосъ ея какъ будто упалъ, — и требую наказанія этого человека... тѣмъ болѣе и строже, что...

Она сразу оборвала и сильно покраснѣла.

— Тѣмъ болѣе, что я.. въ скоромъ будущемъ... надѣюсь быть... матерью и не желаю, чтобы какая-либо тѣнь пала на меня и на будущаго ребенка!..

Въ промежуточныхъ фразахъ ея призванія, когда волненіе лишало ее дара слова и силы, король не подалъ вида, какъ онъ принимаетъ ея слова. Онъ былъ блѣденъ и глаза его метали молніи...

Ова робко взглянула на него и тихо прибавила:

— Правильность моихъ словъ вы можете провѣрить... Я потому не прогнала моей гофмейстерины Кондратьевны, которая содѣйствовала этому негодю, чтобы она была свидѣтельницей... Прикажите допросить ее... и она сознается... Я не виновата!.. Этотъ человѣкъ былъ настолько дерзокъ, что, въ силу отнятаго у меня перстня, требовалъ у меня тайнаго свиданья и я прогнала его. Теперь дѣлайте, что вамъ угодно...

Говоря послѣднія слова, королева зашаталась и оглянулась кругомъ, чтобы сѣсть на что-нибудь.

Король поспѣшилъ ей на помощь и, подавъ руку, довелъ до ближайшаго кресла.

До сихъ поръ онъ не проронилъ ни одного слова... Воцарилось молчаніе.

— Долженъ погибнуть! — отозвался онъ наконецъ, сквозь сжатые зубы, — и погибнетъ такую смертью, чтобы ее помнили въ десятомъ поколѣніи... Пусть всѣ знаютъ, какъ должно уважать королевское величество...

Королева подняла на него свои глаза и встрѣтилась съ его взглядомъ, какого она никогда не видѣла. Король былъ неумолимымъ судьей, и она чувствовала, что обвиняемый не могъ рассчитывать на его милость и снисхожденіе.

— Я все сказала, — отозвалась она, — и ничего не могу прибавить въ свою защиту...

— И не нужно! — возразилъ король съ холодною разсудительностью... Достаточно вашего слова... Я чувствую, что вы невинны...

Король сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Да, онъ долженъ погибнуть позорною смертью, — произнесъ онъ. — Я простилъ ему насилія, убійство и не вѣрилъ въ его измѣну... Онъ возвысился моими благодѣяніями... и падетъ, какъ ничтожный червь, котораго я раздавлю ногою...

Видя королеву блѣдною и дрожащею, Казиміръ подошелъ къ ней и взялъ за руку.

— Пожалуйста, успокойтесь! — сказалъ онъ, — и, ради собственнаго здоровья и покоя, не узнавайте о судьбѣ этого негодяя. Думайте, что какъ будто его никогда не существовало на свѣтѣ... Вы будете отомщены, какъ подобаетъ быть отом-

щенной королевѣ, на честь которой обмѣлился посягнуть какой-то нахаль...

Приэтомъ король хлопнулъ въ ладоши, призывая слугъ къ полуобомлѣвшей королевѣ.

Когда старая Кондратьевна съ испугомъ появилась на порогѣ, Казиміръ, съ вынужденной улыбкой, оставилъ комнату своей супруги...

Встрѣтившіе его идущимъ къ себѣ, замѣтили, что, должно быть, случилось нѣчто необыкновенное. Его рѣдко видѣли такимъ, такъ какъ онъ, даже въ самыхъ ужасныхъ для него случаяхъ, умѣлъ сохранить равнодушіе и спокойствіе духа. Теперь же онъ измѣнился до неузнаваемости, очевидно и страшно...

Лошади ужъ ждали у крыльца. При нихъ стояли ловчіи и подкоморій, въ ожиданіи его выхода, но Казиміръ приказалъ отвести ихъ въ конюшню.

Такъ какъ онъ только что вышелъ отъ королевы, то всѣ были увѣрены, что она вызвала его гнѣвъ. Не зная причины его, всѣ только и могли думать, что между супругами произошелъ какой-то разладъ, но, разумѣется, никто не посмѣлъ ни спросить, ни подойти, видя, какъ онъ взволнованъ и дрожить... Только одинъ Рава, увидѣвъ его возвратившимся въ свои комнаты и отосланныхъ лошадей, осмѣлился сдѣлать вопросъ, не прикажетъ ли онъ подать переодѣться.

Войдя въ комнату, онъ засталъ его сидящимъ въ креслѣ и погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Король, увидѣвъ Раву, пришелъ въ себя, хотѣлъ что-то сказать, всталъ, прошелся и опять сѣлъ въ кресло.

— Позвать судью! — коротко сказалъ онъ.

Браковскимъ судьей былъ нѣкто Николай Долива, прозванный въ молодости Слѣпцомъ, вслѣдствіе его крайней близорукости и постоянного прищуриванія глазъ, даже когда онъ смотрѣлъ вблизи. Онъ былъ назначенъ судьей по совѣту о. Суховилька.

Долива былъ опытный юристъ, — отлично зналъ всѣ законы, сухой, равнодушный и преданный всецѣло своему призванію. Будучи холостымъ и чрезвычайно скупымъ, онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: быть лучшимъ изъ юристовъ и богатѣйшимъ изъ

Долиновъ. Онъ былъ не злой и не добрый, и что только онъ могъ сдѣлать на основаніи какой-либо статьи закона, кодекса, статута и обычая, то все считалъ справедливымъ и вполне правильнымъ. Его понятія о законахъ заключались въ гибкости ихъ и примѣненіи къ обстоятельствамъ.

Наружность судьи Доливы была оттапливающая. Онъ ни кому не смотрѣлъ въ глаза, ходилъ съ важностью, ничѣмъ не волновался, кромѣ случаевъ, касавшихся его благосостоянія, ни съ кѣмъ не дружился и никого не любилъ.

Что касается монарха, какъ верховнаго судьи, онъ всегда уважалъ, ставилъ его выше всѣхъ писанныхъ законовъ и былъ самымъ послушнымъ его орудіемъ.

Ксендзъ Суховильскъ цѣнилъ его какъ юриста, обладавшаго замѣчательной памятью, эрудиціей и безукоризненностью. Хотя онъ ужасно любилъ деньги, по нието не посмѣлъ даже подумать о томъ, чтобы подкупить его и этимъ путемъ вы играть дѣло.

Долива велъ свою жизнь согласно своему характеру. Онъ аккуратно являлся въ судъ въ назначенный часъ, ни кому не прощалъ халатности по службѣ и досиживалъ до конца. Никто его никогда не видалъ за чѣмъ-либо столомъ бесѣдующимъ ради препровожденія времени, и каждый зналъ, что если онъ занялъ свое судейское кресло, то ужъ былъ безпощаденъ и не допуская несправедливыхъ снисхожденій.

Судъ находился въ замкѣ, и когда ему доложили, что его зоветъ король, онъ былъ занятъ разборомъ какого-то дѣла. Но одно слово: король! значило въ его понятіи, что онъ долженъ бросить все и быть послушнымъ.

Онъ живо разобралъ дѣло, отпустилъ судящихся и поспѣшилъ къ королю, котораго засталъ еще не остывшимъ.

— Дѣло, по которому я призвалъ васъ, — сказалъ король подумавъ, — касается оскорбленія моей чести; а моя честь — это честь моей короны и государства! Я не рѣшаюсь быть судьей, ибо являюсь обвинителемъ... но я долженъ!

Глаза Казимира сверкнули.

— Скажите мнѣ, чему подвергается клеветникъ, посягающій на спокойствіе своего государя?..

Король былъ настолько взволнованъ, что не могъ говорить.

Судья стоялъ нахмуренный, ожидая продолженія, но, не дождавшись его, отозвался сухимъ голосомъ педагога:

— Оскорбленіе королевскаго величества, хотя бы только преднамѣренное, но еще не совершенное, равняется оскорбленію Бога, — ибо каждый монархъ является Его помазанникомъ, — и наказуется смертію! —

— Этого мало! — воскликнувъ король, стукнувъ по столу.

— Родъ смерти предоставляется избрать монарху, по степени виновности преступника.

— Большой степени вины, кажется, не можетъ быть, чѣмъ совершилъ этотъ негодяй... Я облагодѣтельствовалъ его и прощалъ ему ужъ много разъ. Еще недавно я простилъ ему убійство и доровалъ жизнь...

— Мацкѣ Борковичу?

— Я не хочу осквернять своихъ устъ этимъ мерзкимъ именемъ... — произнесъ король взволнованно.

Настало молчаніе. Судья опустилъ глаза и уставился въ полъ, какъ будто призадумавшись, что отвѣтить королю.

— Помните, — отозвался Казиміръ, — что этотъ измѣнникъ, въ заговоръ котораго я еще недавно не вѣрилъ, — осмѣлился оскорбить честь королевы, какъ коронованной женщины и супруги нашей!.. Она сама пришла къ намъ со слезами и жалобой на него... Доказательствъ не нужно: защита — не возможна, ибо преступленіе очевидно.

Судья продолжалъ думать.

— Его мало повѣсить или голову отрубить! — сказалъ онъ наконецъ. — Вырвать клеветническій языкъ у позорнаго столба, наказать, какъ отцеубійцу или святотатца?.. Высшей мѣры наказанія у насъ не существуетъ...

Король вздрогнулъ и задумался... Гнѣвъ уступалъ мѣсто врожденной добротѣ.

— Я только хотѣлъ посредствомъ васъ очистить мою совѣсть и объяснить тяжесть преступления, — сказалъ онъ, — и этого мнѣ достаточно... Я не могу его простить и онъ долженъ быть казненъ для примѣра... Пусть гибнетъ...

— Какъ отцеубійца? — подчеркнул судья. — Защиты въ мѣшокъ вмѣстѣ съ змѣей и котомъ?..

Король махнулъ рукой, въ знакъ того, что онъ больше не желаетъ говорить.

— Спасибо! — сказалъ онъ, отпуская судью. — Сохраните про себя, что слышали отъ меня, и молчите. Я не хочу, чтобы преступникъ, узнавъ преждевременно, что его ожидаетъ, бѣжалъ отъ заслуженной кары къ своимъ пріятелямъ Бранденбургамъ, или къ моимъ врагамъ крестоносцамъ...

И онъ быстро повернулся лицомъ къ другимъ дверямъ.

— Коханъ! — крикнулъ онъ, въ полной увѣренности, что тотъ близко находится.

Рава остановился на порогѣ именно въ тотъ моментъ, когда Слѣпецъ низко откланивался, уходя въ другую дверь.

Казиміръ, увидѣвъ Кохана, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ бы желая успокоиться.

— Я приговорилъ Мацьку Борковича къ смертной казни, — сказалъ онъ, останавливаясь передъ нимъ. — Этотъ клеветникъ осмѣлился похвастаться милостями и ласками королевы, хватался перстнемъ, украденнымъ у нея, и старался насильно ворваться въ ея спальню...

Взглядъ на Кохана — прервалъ рѣчь государя, такъ какъ его лицо выражало, что онъ все знаетъ.

— Говори, — сказалъ онъ.

— Давно ужъ этого разбойника нужно было казнить, — отвѣтилъ Коханъ. — Онъ достоинъ высшей мѣры наказанія... но ваше милосердіе...

— Никакого милосердія! — воскликнулъ онъ. — Я буду строгъ и жестокъ!.. Ты все знаешь?

— Зналъ многое, а объ остальномъ — самъ догадывался...

— И молчалъ? — съ упрекомъ спросилъ король.

— Я ждалъ удобнаго случая...

Казиміръ съ страннымъ подозрѣніемъ взглянулъ на Рава.

— Ты помнишь Барычку? — вдругъ спросилъ онъ. — Благодаря тебѣ, онъ отправился на тотъ свѣтъ, хотя я и не желалъ его смерти... И такъ, за твое самоволіе, Коханъ... Я тогда стерпѣлъ и промолчалъ... спасъ твою жизнь... Помнишь?.. Теперь ты долженъ понести наказаніе...

Коханъ былъ удивленъ, не понимая, какую связь могли имѣть два различныхъ дѣла межъ собою!

Король помолчалъ немного и затѣмъ прибавилъ:

— Да, а въ наказаніе за то, что ты былъ тогда самовольнымъ палачемъ, я назначаю тебя палачемъ Борковича и даю тебѣ право... Дѣлай съ нимъ, что хочешь... возьми его жизнь... вѣшай, руби, рви на части... Это твое дѣло, но не смѣй являться ко мнѣ на глаза, пока онъ живой ходитъ по землѣ... Доставь мнѣ его голову.

Коханъ, никогда не ожидавшій такого порученія, остолбѣнѣлъ. Ни объясненія, ни мольбы, ничего въ данномъ случаѣ не могли помочь...

Съ одной стороны, онъ могъ гордиться такимъ порученіемъ; но съ другой, исполнить его было очень трудно и непріятно. Онъ зналъ прекрасно, что преступникъ былъ силенъ, дерзокъ, хитеръ и могъ, въ защиту своей жизни, прибѣгнуть къ крайностямъ... Другими словами, это значило подвергнуть свою жизнь опасности...

Коханъ повѣсилъ голову.

— Слышалъ?—сказалъ король. — Ступай и собирайся въ путь... Но поспѣши, чтобы онъ не ускользнулъ у тебя изъ рукъ... Если убѣжить, и ты бѣги за нимъ. Онъ долженъ погибнуть... Въ знакъ его смерти, привези мнѣ кольцо, похищенное, или точнѣе, сорванное съ руки королевы... Молчи, поѣзжай и не заставляй меня долго ждать твоего возвращенія...

Рава хотѣлъ объясниться, но, взглянувъ на короля, склонилъ голову и ушелъ.

Въ замкѣ еще было тайной, чѣмъ былъ вызванъ гнѣвъ короля. Призывъ судьи, внезапный отѣздъ Кохана, приказъ готовиться въ путь значительному отряду солдатъ, для сопровожденія Рава, приказаніе позвать канцлера для написанія королевскаго пропуска по всему государству и оказанія ему, въ случаѣ нужды, содѣйствія,—все это возбуждало въ высшей степени любопытство всего двора...

Королева, по уходѣ короля, заперлась въ своей комнатѣ и горько плакала! Всѣми овладѣла какая-то тайная тревога. Никто еще не видалъ и не испытывалъ жестокости короля, но всѣ чувствовали, что въ данный моментъ она проявлялась...

Черезъ часъ послѣ случившагося при дворѣ Вѣржинокъ ужъ

былъ оповѣщенъ; о томъ же узналъ и о. Суховилькъ. Послѣдній поспѣшилъ къ королю.

Когда о. Суховилькъ вошелъ въ королевскую комнату, король ужъ значительно охладѣлъ, но какъ послѣ пожара остается запахъ гари, такъ послѣ всего у короля осталось еще огорчение.

Король, стараясь быть спокойнымъ, разсказалъ ксендзу въ чемъ дѣло. Суховилькъ не осмѣлился заступиться за преступника, но, подумавъ, произнесъ:

— Несомнѣнно, онъ достоинъ наказанья, но, карая его, вы дадите поводъ узнать всѣмъ о томъ, что должно быть покрыто мракомъ неизвѣстности!..

— Да кто же осмѣлится раскрыть уста по исполненіи приговора? — возразилъ король.

Отецъ Суховилькъ промолчалъ. Король не могъ усидѣть на мѣстѣ и все ходилъ по комнатѣ.

— Вотъ вамъ примѣръ, — сказалъ онъ огорчительно, — чѣмъ для меня оказывается рыцарство и дворяне, которые должны быть защитниками неприкосновенности престола... Меня упрекаютъ въ глаза, что я люблю мужиковъ, покровительствую жидамъ и защищаю мѣщанъ!.. Пусть такъ! Дѣйствительно, я дѣлаю это, ибо чувствую, что они любятъ меня, тогда какъ рыцари и дворянство измѣняютъ мнѣ и платить неблагодарностью за мои благодѣянія!.. Да, я не скрываю, что однихъ хочу возвысить, а другихъ — обуздать, и это справедливо...

Отецъ Суховилькъ, будучи по происхожденію дворяниномъ, рыцарскаго рода, почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Ваше величество! — сказалъ онъ. — Изъ-за одной паршивой овцы нельзя хулить все стадо.

— Хорошо, если бы въ немъ была только одна такая овца, — разсмѣялся король. — Вотъ, поэтому я и чувствую, на кого можно разсчитывать и кого бояться... Кто, какъ не дворяне, вынудили меня къ преждевременному завѣщанію короны моему племяннику, который общается имъ золотыя горы?..

Король вздохнулъ и потомъ прибавилъ тише:

— Одинъ Богъ знаетъ, что дастъ будущее!.. Королева надеется...

Отецъ Суховилькъ поклонился и поздравилъ.

— Дай Богъ, чтобы родился наслѣдникъ! — произнесъ онъ.

— И въ такой-то моментъ этотъ негодай осмѣлился бросить дерзкую клевету и опозорить колыбель младенца! — крикнулъ король съ возрастающимъ гнѣвомъ.

Священникъ вынужденъ былъ успокоить его и не ушелъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что король остылъ и смягчился. Его успокоенію много содѣйствовало то обстоятельство, что онъ догадался поручить Кохану отместку за свою поруганную честь. Онъ былъ увѣренъ въ его привязанности къ нему, какъ равно въ его смѣлости, отвагѣ и хитрости.

Таковой его выборъ похвалилъ и ксендзъ Суховильскъ: лучшаго нельзя было ожидать. Выйдя отъ короля, онъ счелъ нужнымъ повидаться съ Равой, который еще не успѣлъ уѣхать.

Коханъ, увидѣвъ на порогѣ своей квартиры отца Суховильска, вышелъ къ нему навстрѣчу, а затѣмъ удалился съ нимъ въ другую комнату. Онъ не спрашивалъ ксендза, такъ какъ видѣлъ по его лицу, что ему все извѣстно.

— Тяжелое порученіе возложено на васъ, — замѣтилъ отецъ Суховильскъ.

— Что дѣлать?! — возразилъ Коханъ. — Я знаю, что, охотясь за чужой головой, можно потерять свою, но король приказалъ...

Онъ призадумался на минуту и потомъ прибавилъ:

— Отнять жизнь еще не такъ тяжело, но, отнимая ее, нужно такъ наказать негодая, чтобы другимъ не повадно было измѣнять или посягать на честь его величества... Я вынужденъ быть жестокимъ...

— Только не черезчуръ, — спокойно замѣтилъ о. Суховильскъ, — ибо чрезмѣрная строгость наказанія можетъ обнаружить родъ преступленія.

— Большаго и нельзя было ожидать, — возразилъ Коханъ. — Однако я знаю больше, чѣмъ донесено королю... Измѣна, опозореніе чести королевы... Развѣ этого мало?

— Конечно, даже черезчуръ много, — отвѣтилъ задумчиво отецъ Суховильскъ, — и накажите какъ слѣдуетъ, но не издѣвайтесь, ибо месть докажетъ, что король былъ жестоко оскорбленъ. Но вѣдь величество короля стоитъ настолько высоко, что до него не можетъ достигъ какой-либо ничтожный негодай.

Но эти умныя слова не произвели на Кохана особеннаго

впечатлѣнія, какого можно было ожидать, потому что онъ заранѣе рѣшился быть жестокимъ. Любовь къ королю и тотъ гнѣвъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, вызывали въ немъ особенныя чувства, какъ будто онъ лично былъ оскорбленъ.

Между тѣмъ Мацько Борковичъ, ободренный своимъ послѣднимъ пребываніемъ въ Краковѣ, никакъ не могъ ожидать того, чтобы его слова, брошенные съ такою неосторожностью въ моментъ его увлеченія, такъ скоро дошли до того человѣка, котораго касались. Онъ насмѣхался надъ слабостью короля и отвѣчалъ дерзостью тѣмъ, кто совѣтовалъ ему быть умѣреннѣе и осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Пробывъ значительное время въ Познани, ему почему-то вздумалось поѣхать въ Калишъ, именно въ тотъ моментъ, когда Коханъ выѣзжалъ изъ Кракова для преслѣдованія его. Онъ поѣхалъ туда, окруженный своими друзьями, какъ можно было полагать, съ тайной надеждой, что кастелянъ Калишскій, располагая маленькимъ гарнизономъ, сдастъ ему этотъ городъ или, по крайней мѣрѣ, онъ убѣдится, какимъ образомъ его легче взять... Онъ хотѣлъ начать отсюда свои дѣйствія противъ Казимира и повести открытую съ нимъ войну, надѣясь, съ помощью Бранденбурговъ, отнять у него Великопольшу... Онъ еще боялся посягнуть на Познань и хотѣлъ начать съ маленькаго, тѣмъ больше, что его единомышленники, которые часто бывали въ Калишѣ, оповѣстили его, что тамошній кастелянъ сердился на короля, былъ недоволенъ имъ и не располагалъ большимъ гарнизономъ.

Онъ весело пріѣхалъ въ Калишъ, въ которомъ для него было заранѣе приготовлено помѣщеніе, и остановился отдохнуть, прежде чѣмъ посѣтить крѣпостной замокъ.

Прибывъ въ Калишъ, Борковичъ послалъ узнать, дома ли кастелянъ. Оказалось, что онъ былъ въ своемъ имѣніи, въ двухъ миляхъ отъ города, и скоро ждали его возвращенія. Въ замокъ остался только начальникъ гарнизона, старый воинъ Вильчуръ, принадлежавшій къ гербу „Напивоновъ“, какъ и Борковичъ. Въ это время родословный гербъ, какъ бы ни былъ великъ, составлялъ еще одну семью, хотя бы члены ея назывались разными фамиліями. Честный Вильчуръ — онъ ли самъ или его отецъ — быть можетъ былъ приписанъ къ этому роду,

а можетъ быть былъ и прямымъ потомкомъ Напивоноу, но Борковичъ считалъ его своимъ родственникомъ. Однако, будучи вельможей, не особенно уважалъ стараго и бѣднаго рыцаря, который провелъ всю свою жизнь въ желѣзной кольчугѣ и помнилъ славные бои Локтика.

Въ свою очередь и Вильчуръ, хотя и простой воинъ, который ничего не зналъ, кромѣ своего военного ремесла, нисколько не боялся и не уважалъ могущественнаго и страшнаго родственника, Борковича. Когда-то послѣдній хотѣлъ сблизиться съ нимъ и подсылалъ къ нему людей; но старикъ приказалъ ему сказать, что если онъ желаетъ познакомиться съ нимъ, то первый долженъ пріѣхать къ нему.

Теперь Мацкѣ хотѣлось расположить его въ свою пользу, а потому онъ, какъ только пріѣхалъ, послалъ къ нему одного дворянина, прибывшаго съ нимъ, съ просьбой, чтобы онъ пришелъ раздѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль...

Посолъ вернулся недовольный, что Вильчуръ принялъ его очень гордо и сказалъ ему, что, во-первыхъ, ему некогда и, во-вторыхъ, что онъ старъ для визитовъ, а потому, —неудобно-ли будетъ Борковичу прійти къ нему и отвѣдать его хлѣба соли.

Сначала онъ разсердился; тѣмъ не менѣе, поѣвъ у себя, что называется, вплотную, поѣхалъ самъ-третьей въ замокъ.

Замокъ былъ достаточно хорошо укрѣпленъ, но его еще не коснулась рука Казимира и въ немъ не было возведено каменныхъ стѣнъ: его защищали земляные валы, частоколы и рвы, а внутри было больше деревянныхъ, чѣмъ каменныхъ строеній, и не было на что взглянуть. Тѣмъ не менѣе, эта крѣпость выдерживала неоднократно нападенія крестоносцевъ.

Вильчуръ, несмотря на то, что онъ былъ начальникомъ гарнизона, жилъ въ курной избѣ, почернѣвшей отъ дыма, въ которой были только столъ и скамейка, а полъ былъ сдѣланъ изъ глины, какъ на току. Тутъ же, рядомъ, была баня, изъ дверей которой валилъ паръ.

Когда Борковичъ вѣхалъ на дворъ замка и громко спросилъ о Вильчурѣ, послѣдній вышелъ изъ баннаго пара и остановился у порога. Взглянувъ на него, трудно было догадаться, что это начальникъ гарнизона. Онъ былъ высокаго

роста, худой, костлявый, съ длинной шеей, лысый, съ подстриженной съдой бородою и провалившимися щеками.

Вильчурѣ уперся руками въ бока. На немъ были надѣты кожаные кафтанъ и штаны, выцвѣтшая епанча, небрежно наброшенная на плечи, и грубые кожаные башмаки. Онъ стоялъ и слушалъ, какъ Борковичъ шумѣлъ, спрашивая о немъ, и наконецъ громко отозвался:

— Что вамъ надо отъ начальника?

Староста, догадавшись, кто онъ былъ, слѣзъ съ коня и лошелъ къ нему съ веселымъ лицомъ, говоря, что ему желательно видѣть своего родственника, и представляясь ему великопольскимъ старостой.

Но на Вильчурѣ не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія ни представительность Борковича, ни его развязность, ни фамилія, ни титулъ, и онъ только кивнулъ ему головою.

— Очень радъ познакомиться, если вы родственникъ, — равнодушно отвѣтилъ онъ и указалъ на дверь. — А, такъ какъ у меня нѣтъ другого помѣщенія, то покорнѣйше прошу войти въ эту лачугу.

Волей или неволей Борковичъ долженъ былъ согнуться въ дугу, чтобы войти въ низенькую дверь. Хотя онъ самъ не привыкъ къ роскоши, но эта темная избенка, пропитанная дымомъ, пищей, дегтемъ, саломъ и заваленная старымъ желѣзомъ и кожами, — не понравилась ему.

Сѣвъ на узенькой, ничѣмъ не покрытой скамейкѣ у стола, на которомъ лежала хлѣбъ, желѣзный ножъ и грудка соли, староста засопѣлъ, но ничего не сказалъ.

Вильчурѣ, посадивъ гостя, самъ стоялъ, смотря, гдѣ ему поудобнѣ сѣсть, такъ какъ у стола не было другой скамеечки.

— Очень радъ, что, наконецъ, я познакомился съ вами, — отозвался Мацько Борковичъ. — Вѣдь мы принадлежимъ къ одному гербу. Я давно хотѣлъ сблизиться съ вами, но вы почему-то не захотѣли.

— Для этого было и есть не мало причинъ, — возразилъ старый воинъ, — и прежде всего то, что вы богатый, а я — бѣднякъ; а когда бѣднякъ стремится сблизиться съ богатымъ, то этимъ самымъ какъ бы даетъ понять, что онъ нуждается въ какой-либо его помощи, а я ни въ чемъ не нуждаюсь.

Кромѣ того, я—солдаты, хожу въ желѣзномъ ярмѣ, не имѣю времени и смотрю за тѣмъ, за что ѣмъ свой хлѣбъ.

— Да-а! — процѣдилъ смѣясь Борковичъ. — Но, судя по этому хлѣву, въ которомъ васъ держитъ король, должны быть и хлѣбъ вашъ съ мякиной.

— Да; но такой солдату и нуженъ... на немъ не поломаешь зубовъ. Привыкши къ лучшему, на войнѣ будетъ очень трудно,—тамъ и такого нельзя получить...

— Но вамъ, состарѣвшемуся подѣ желѣзной броней, пора бы и отдохнуть...

Вильчуръ отрицательно мотнулъ головой.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ. — Хотя я и старъ, но не могу сидѣть сложа руки. Да и что бы я сталъ дѣлать, если ничего не умѣю, кромѣ чистки оружія и сѣдланія коня?

Говоря это, онъ фамильярно сѣлъ противъ старосты на высокомъ рыцарскомъ сѣдлѣ, которое оказалось подѣ рукою.

Борковичъ какъ по своему достоинству, такъ равно славѣ и богатству, могъ ожидать большаго уваженія, но, нуждаясь въ человѣкѣ, стерпѣлъ его небрежность.

— Я вижу перваго такого человѣка, который не жалуется на свою судьбу,—замѣтилъ онъ.

Вильчуръ усмѣхнулся.

— И на то есть своя причина,—сказалъ онъ;—жены у меня нѣтъ, дѣтей—тоже, самъ я привыкъ къ этому хлѣбу и мнѣ больше ничего не надо.

— Ну, какъ у васъ здѣсь въ замкѣ?—отозвался Мацько помолчавъ. — Мнѣ кажется онъ не крѣпко сколоченъ... да и старъ... Видно король совсѣмъ забылъ о немъ...

— Потому что у него есть и безъ того о чемъ думать. Хотя эти клѣтшки невзрачны съ виду, но ихъ вода и земля защищаетъ лучше, чѣмъ другія—каменные стѣны. Мало ли на свѣтѣ есть людей, которые выглядятъ совсѣмъ неказисто, а между тѣмъ, сами по себѣ, стоятъ больше, чѣмъ какіе-либо самонадѣянные и представительные. Такъ и нашъ замокъ!... Дойдетъ очередь и до него, если Господь продолжитъ жизнь короля,—прибавилъ онъ улыбаясь,—и онъ будетъ каменнымъ...

Борковичу не везло: онъ два раза упомянулъ о королѣ и остался съ носомъ, а потому завелъ другой разговоръ, о себѣ

и о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать для Великопольши. Затѣмъ прибавилъ, что онъ будетъ радъ быть чѣмъ-либо полезнымъ для своего старого родственника и придумаетъ какое-либо болѣе подходящее для его лѣтъ занятіе.

Вильчуръ равнодушно слушалъ его и не поддавался на эту удочку. Мацько не привыкъ къ такому сопротивленію, поэтому рѣшилъ чѣмъ бы то ни было расположить его. Онъ даже выпилъ у него полупрокисшаго пива и широко распространялся о томъ и о семъ, вызывая его на откровенность. Вильчуръ разговаривалъ; Мацько слушалъ его и, казалось, не думалъ ѣзжать домой, въ свою гостиницу.

Въ то время, когда они сидѣли въ замкѣ, а двое людей Борковича ходили, отъ нечего дѣлать, по двору, съ любопытствомъ заглядывая во все углы, въ городѣ произошло нѣчто необыкновенное, что измѣнило положеніе вещей.

Кохану Равѣ почти всегда везло. И на сей разъ ему повезло относительно ареста негодяя Борковича. Выѣхавъ изъ Кракова, онъ безъ отдыха, днемъ и ночью, мчался въ Познань, но, не доѣхавъ до города, онъ случайно узналъ, что Мацько уѣхалъ въ Калишъ. Въ виду этого, онъ тотчасъ повернулъ коня и по дорогѣ старался узнать, много ли было у него людей. Къ счастью, онъ убѣдился, что ихъ было мало, а въ Калишѣ съ нимъ — и совсѣмъ немного.

Онъ прямо поѣхалъ къ гостиницѣ, на которую ему указали и, по странному стеченію обстоятельствъ, узналъ на рынкѣ, что Мацько самъ третей поѣхалъ въ замокъ.

Удобнѣйшаго случая онъ и не могъ ожидать. Хотя его лошади и люди были измучены, но онъ повернулъ въ замокъ. Въ другой разъ не могло такъ сложиться, чтобы застать его въ крѣпости и только съ двумя провожатыми.

Коханъ, какъ сумасшедшій, помчался къ крѣпостнымъ воротамъ и тотчасъ осадилъ ихъ, поставивъ здѣсь своихъ людей. Солдаты, видя это, сбѣжали со всѣхъ сторонъ, во главѣ съ помощникомъ Вильчуры. Но Рава показалъ ему пропускъ и приказъ съ королевскими печатями и приказалъ молчать. Помощникъ начальника гарнизона предложилъ доложить Вильчурѣ, на что Коханъ и согласился, но не прежде, чѣмъ все будетъ приготовлено къ безусловной сдачѣ негодяя.

Двое дворянъ, которые пріѣхали съ Борковичемъ, услышавъ шумъ у воротъ, подошли посмотреть, что случилось. Рава, увидѣвъ ихъ, велѣлъ схватить, связать и заткнуть имъ рты, чтобы они не кричали.

Все это случилось такъ быстро и неожиданно для нихъ, что ни одинъ не успѣлъ даже вскрикнуть.

Хотя при этомъ инцидентѣ не было большого шума, однако, старое ухо Вильчуры, очевидно, что-то услышало.

Борковичъ преспокойно сидѣлъ у стола и продолжалъ свою бесѣду, не думая уходить. Вильчура, услышавъ шумъ, вынужденъ былъ извиниться и уйти посмотреть, что случилось и что нарушило крѣпостную тишину и спокойствіе.

Мацько остался одинъ, недовольный и кислый, какъ то пиво, которое онъ пилъ, но ждалъ, не теряя надежды пріобрѣсти дружбу Вильчуры.

Едва послѣдній появился на дворѣ, какъ Рава подошелъ къ нему съ королевскимъ приказомъ.

Вильчура остоленѣлъ; но Коханъ объяснилъ ему все въ двухъ словахъ. Нельзя было долго колебаться, и старый солдатъ только улыбнулся, видя, какъ Божеское правосудіе само загнало негодяя въ ловушку и предало его въ руки — человѣческаго.

Хотя Борковичъ былъ одинъ, но Коханъ не могъ подумать, что онъ сдастся безъ боя, а потому надо было приготовиться къ ожесточенной схваткѣ и борьбѣ.

Вильчура, вмѣсто того, чтобы вернуться въ избушку, приказалъ своимъ людямъ принести свой мечъ, приготовить петлю и веревки. Коханъ тоже приготовился. Они посовѣтовались между собою, какъ выкурить его изъ тѣсной хаты.

Начальникъ гарнизона поставилъ людей полукружіемъ у дверей, чтобы, въ случаѣ бѣгства Борковича, онъ не могъ броситься на валы, а оттуда — въ воду и затѣмъ попасть въ городъ, гдѣ, могъ надѣлать много непріятностей.

Борковичъ сидѣлъ вначалѣ довольно спокойно и, раздумывая, какъ лучше обойти своего «родственниковъ», ждалъ его возвращенія. Глухой шумъ на дворѣ нисколько не беспокоилъ его, и онъ ничего не могъ подозрѣвать.

Ожиданіе его продолжалось не менѣе часа. Наконецъ его взорвало и онъ, пославъ проклятіе негостепріимному Виль-

чурѣ надѣлъ свой колпакъ и пошелъ къ дверямъ, которыя, какъ мы сказали, были низенькія, а паръ изъ бани прямо валилъ на нихъ.

Мацько, открывая дверь, долженъ былъ наклониться и, благодаря пару, не видалъ, что впереди него стоитъ много людей.

Не успѣлъ онъ приподнять склоненной головы, какъ одинъ плѣнный татаринъ, служившій при замкѣ и умѣвшій ловить степныхъ лошадей на арканъ, будучи поставленнымъ нарочно близъ дверей, ловко набросилъ старостѣ петлю на шею.

Мацько, ничего не ожидавшій, упалъ на землю и заревѣлъ, какъ дикій звѣрь. Но, будучи замѣчательно сильнымъ, моментально вскочилъ, рванулся и чуть не оборвалъ веревку; но въ тотъ же моментъ на него бросились нѣсколько человѣкъ, повалили его опять на землю, придушили и начали вязать.

Борковичъ схватился было за мечъ, но его не дали вытящить изъ ноженъ, и хотя онъ лягался ногами и защищался, какъ левъ, но все-таки его скрутили.

Несмотря на множество людей, онъ долго защищался и одному откусилъ кусокъ уха. Но это было послѣднее и напрасное усиліе: онъ ужъ лежалъ скрученнымъ, безъ движенія, а Коханъ стоялъ надъ нимъ съ королевскимъ приказомъ въ рукахъ.

Все жившіе въ замкѣ сбѣжались посмотреть на небывалое зрѣлище, такъ что даже у воротъ никого не осталось.

Именно въ эту минуту одинъ изъ дворянъ Борковича, обезпокоившись продолжительнымъ отсутствіемъ старосты, пошелъ изъ любопытства въ замокъ узнать, тамъ ли онъ; но, едва замѣтивъ эту сцену, далъ стрелка.

Между тѣмъ Коханъ, въ присутствіи всѣхъ, прочиталъ приговоръ Борковичу, въ которомъ было сказано, что его казнить, какъ отцеубійцу.

Такой громъ, внезапно раздавшійся надъ головой человѣка, который былъ опьяненъ своимъ счастьемъ, хвастался побѣдами и стремился къ новымъ, — вѣроятно убилъ бы другого, но не Борковича: онъ только освирипѣлъ; его глаза выкатились изъ орбитъ, лицо посинѣло, жилы налились кровью, пѣна выступила на губы и весь онъ такъ натужился, что нѣкоторыя авревки лопнули и его пришлось перевязать. Но онъ не просилъ пощады, а только проклиналъ самыми ужасными прок-

лѣтями, точно онъ хотѣлъ еще больше ожесточить того, въ чьихъ рукахъ находился.

Прочитавъ ему королевскій вердиктъ, Рава приказалъ убрать его въ одну изъ замковыхъ комнатъ и, для безопасности, связать покрѣпче, причемъ поставилъ двадцать человѣкъ на стражѣ, которымъ пригрозилъ казнью, если они хоть на время оставить его или допустить кого-либо къ нему.

Боханъ не хотѣлъ держать Борковича въ калишскомъ замкѣ, какъ равно и казнить его тамъ изъ опасенія близости его родственниковъ, друзей и пріятелей. Хотя король предоставилъ ему полную свободу дѣйствій, только бы преступникъ былъ казненъ позорнѣйшею смертью, но выборъ ея онъ не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность, такъ какъ помнилъ, что слова о казни сорвались у короля во время его сильнаго раздраженія, хотя, поручая ему дѣло, онъ ясно сказалъ:

— Никакого милосердія, ни снисхожденія не должно быть по отношенію къ преступнику, несмотря на его родъ и достоинство... Это—скотина, которая и должна погибнуть какъ скотина...

Но Рава не могъ опредѣлить, какая смерть должна была постигнуть эту скотину, а простая казнь была неудовлетворительна и мала.

Вѣсть объ арестѣ Борковича и приговорѣ его къ смертной казни моментально разнеслась по всѣмъ окрестностямъ. Ее разнесли бѣжавшіе люди Борковича.

Въ ту же ночь узналъ о томъ и его братъ Янъ, находившійся въ гостяхъ неподалеку отъ Калиша, въ ожиданіи возвращенія Мацьки. А такъ какъ онъ принималъ участіе во всѣхъ его насиліяхъ, то, разумѣется, боялся той же участи и немедленно помчался къ его сыну, а своему племяннику, посоветоваться съ нимъ, собрать людей, взять деньги и удрать за границу.

Между тѣмъ Янъ стоваривался съ племянникомъ. Ясько хотѣлъ бѣжать, а сынъ — спасти отца, отбить или выкупить. Это казалось ему возможнымъ, и онъ, не слушая дядю, помчался въ Калишъ, чтобы застать отца живымъ.

Прибывъ въ городъ, онъ немедленно отправился въ замокъ, хотя и зналъ, что это могло стоить ему жизни, и потребовалъ допустить его къ отцу.

Шумъ, происшедшій на дворѣ, вызвалъ Кохана, который ужъ успѣлъ отдохнуть и охладѣть. Онъ явился къ молодому Борковичу съ полнымъ хладнокровіемъ, когда тотъ не могъ, отъ гнѣва и отчаянія даже говорить. Отцовская гордость не допускала его унижаться и просить и онъ началъ съ упрековъ и угрозъ, хотѣлъ ѣхать къ королю и дѣлалъ Кохана отвѣтственнымъ за жизнь его отца.

Словомъ, нельзя было разобрать, что онъ говорилъ въ своемъ гнѣвѣ; но Рава объяснялъ это сыновнею привязанностью и былъ снисходителенъ къ нему.

— Я посланъ самимъ королемъ, — сухо сказалъ онъ, — и исполню, что мнѣ приказано. Ни угрозами, ни страхомъ, ни мольбою вы ничего не достигнете у меня. Одно могу вамъ посоветовать, изъ сожалѣнія къ вашей молодости: уходите, пока цѣлы и свободны.

Но отъ него трудно было отдѣлаться словами, такъ какъ онъ бѣсился, метался и чуть не дрался, такъ что его пришлось самого вытолкать за ворота.

Коханъ, боясь новыхъ нашествій, приказалъ приготовить телѣгу, на которую положили Борковича, привязавъ его къ доскамъ. Люди сѣли вокругъ него и, кромѣ того, телѣгу окружили сильно вооруженные солдаты. Самъ Коханъ сѣлъ на коня и всѣ двинулись въ Олькушъ. Тамъ онъ рѣшилъ ждать отвѣта отъ короля, какою смертию казнить преступника.

Кромѣ того, въ Олькушскомъ замкѣ было безопасно, потому что туда не могли проникнуть друзья Борковича, которыхъ у него было много въ Великопольшѣ.

Въ Олькушѣ, куда предварительно дано было знать, Рава засталъ у воротъ испуганнаго коменданта, на обязанность котораго онъ хотѣлъ возложить смотрѣть за узникомъ и отвѣчать за него. Зная, кто былъ этотъ узникъ, комендантъ просилъ Кохана освободить его отъ отвѣтственности, отдалъ ему крѣпостные ключи и самъ остался подъ его командой, но отказывался отъ всего, подъ предлогомъ, что у него нѣтъ ни достаточно солдатъ, ни крѣпкихъ камеръ для преступниковъ.

Телѣга съ Борковичемъ остановилась посрединѣ двора, впродолженіе того времени, пока Коханъ обдумаетъ, куда помѣститъ опаснаго челоуѣка, который, какъ онъ убѣдился въ дорогѣ, не те-

рялъ надежды на освобожденіе. Лежа на возу, онъ старался разорвать или перегрызть веревки и подкупить стражу различными обѣщаніями, при чемъ метался, кричалъ и грозилъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ замкѣ не оказалось надежнаго помѣщенія для преступника, котораго могли освободить брать, сынъ или друзья.

Боханъ осмотрѣлъ весь замокъ. Наконецъ бургграфъ, какъ прежде называли смотрителей замковъ или комендантовъ, повелѣлъ Кохана въ восточную башню, которая была нарочно построена для содержанія въ ней самыхъ опасныхъ преступниковъ. Она была высока и глубока, построена изъ камня, и въ нее надо было входить сверху по вставной лѣстницѣ въ подземелье, освѣщаемое отверстіемъ сверху и запираемое желѣзною дверью. Она была темна, сыра, глубока, узка, какъ колодезь, и служила только для двухъ преступниковъ, которые были извлечены оттуда послѣ мѣсячнаго пребыванія тамъ еле живыми только ради того, чтобы умереть на эшафотѣ. Это былъ гробъ, въ который смерть укладывала живыхъ людей въ ужасныхъ мученіяхъ среди постоянной ночи, холода, голода и гнили...

Комендантъ Моравецъ находилъ ее вполне безопасной и Боханъ, взглянувъ въ нее сверху, согласился спустить туда Борковича, въ ожиданіи послѣдней королевской воли. Онъ самъ видѣлъ да и Моравецъ сказалъ, что изъ этого колодца нельзя спастись и никто туда не могъ попасть, такъ какъ башня насколько была высока, настолько же ея подземелье было подъ землею, а слѣдовательно ни подкопаться подъ нее, ни вылѣзть безъ лѣстницы было невозможно.

Борковича, несмотря на его самозащиту, спустили на дно подземелья, развязали веревки и бросили ему соломы; послѣ чего вытащили лѣстницу, заперли отверстіе и поставили стражу.

Прошло десять дней, пока получился отвѣтъ изъ Кракова, куда жалобы на Борковича посыпались чуть не сотнями каждый день. Въ каждой изъ нихъ говорилось о насиліи, притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ своей властью, о нападкахъ и разбояхъ какъ по дорогамъ, такъ и въ селеніяхъ. Узнавъ объ арестѣ ненавистнаго притѣснителя, всѣ умоляли короля примѣнить къ нему высшія мѣры наказанія, а потому въ присланномъ приговорѣ было сказано лишить его жизни... господомъ.

Приговоръ этотъ привезъ главный врагъ Борковича, Наленчъ, прозванный Грушей, у котораго Мацько обезчестилъ жену и былъ причиной ея смерти. Онъ добровольно предложилъ королю свои услуги быть палачемъ и получилъ устное разрѣшеніе сдѣлать съ узникомъ, что ему заблагоразсудится.

Благодаря ему, Борковичъ получалъ каждый день, вмѣсто хлѣба, вязаночку сѣна и воду, которыя ему опускали на дно, какъ скоту. Груша самъ сидѣлъ у отверстія и наслаждался стонами заключеннаго.

Всѣ приходили въ ужасъ, и хотя преступленія узника были велики и неисчислимы, но и наказаніе было черезчуръ жестоко.

Борковичъ, обладая атлетической силой и здоровьемъ, мучился дольше, чѣмъ ожидали его враги; ѣлъ сѣно и запивалъ его водою... Быть можетъ, когда спалъ его палачъ, сердобольные люди бросали ему хлѣбъ; но прошло двѣ недѣли, а на днѣ колодца все еще раздавались ужасные стоны и проклятья...

По временамъ, Груша разговаривалъ съ Борковичемъ, который отвѣчалъ ему оскорбленіями, и они препирались между собой. Наконецъ, палачъ, выведенный изъ терпѣнія, закрывалъ двери и затѣмъ ложился на нихъ спать.

Наленчъ каждый день прислушивался, не поколѣлъ ли Борковичъ, чтобы наконецъ освободиться отъ добровольно принятаго на себя тиранства, но староста все еще жилъ. Только его голосъ, сначала чистый, съ каждымъ днемъ начиналъ слабѣть и дѣлался непонятнѣе.

На четвертой недѣлѣ, когда Груша не слышалъ ни стоны, ни ворчанья, онъ опустилъ на веревкѣ фонарь, чтобы посмотрѣть, въ какомъ состояніи находится приговоренный... Онъ оказался въ ужасномъ положеніи, но не смягчилъ мстительнаго сердца Груши: съ него ужъ свалилась сгнившая одежда, тѣло покрылось ранами, лицо исказилось, руки были искусаны... Онъ ужъ не могъ ни встать, ни двинуться съ мѣста и лежалъ на осклизшей отъ сырости соломѣ омерзительно разлагающимся, дыша остатками жизни... Но онъ не просилъ сжалиться надъ нимъ, очевидно, зная, что не вызоветъ у своего врага сочувствія.

На пятой недѣлѣ Груша опять велѣлъ опустить на дно фонарь, и увидѣлъ его лежащимъ, точно мертвый, съ головой,

зарывшейся въ солому. Онъ былъ неподвиженъ, но еще дышалъ.

Наленчъ самъ спустился внизъ и ткнулъ его ногой... Живой трупъ зашевелился, поднялъ голову, уставился на него потухшими глазами и простоналъ:

— Священника!

— Тебѣ? священника! чтобы ты избѣгнулъ ада! — воскликнулъ жестокий Груша. — Нѣтъ, ничего тебѣ не будетъ и ты погибнешь такою же позорною смертью, какимъ позоромъ ты жилъ.

Груша еще не успѣлъ досказать послѣднихъ словъ и, невольно взглянувъ на него, сразу умолкъ... Имъ овладѣло внезапное состраданіе, сердце преисполнилось жалости и заныло, и онъ, точно пьяный, едва вскарабкался по лѣстницѣ на верхъ.

Онъ послалъ за ксендзомъ, сѣлъ у отверстія и горько заплакалъ. Священникъ спустился въ подземелье и затѣмъ, послѣ краткаго пребыванія тамъ, вышелъ наружу; онъ такъ былъ пораженъ видомъ несчастнаго, его мученьями и тѣмъ воздухомъ, которымъ онъ дышалъ, что и самъ еле удержался на ногахъ, чтобы не упасть.

Мацько Борковичъ страдалъ сорокъ дней и умеръ нанутуемый словами священника...

Таковъ былъ конецъ жизни человѣка, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ Олькушскомъ замкѣ, какъ легендарное преданіе прежнихъ вѣковъ.

VIII.

Король хлоповъ.

День былъ весенній; но весна въ этомъ году стояла такая скучная, какъ минувшая осень. Во всей Польшѣ и сосѣднихъ государствахъ десница прогнѣваннаго Бога отняла у людей то, чѣмъ они должны были поддерживать свою жизнь: засѣянные поля не дали колосьевъ, луга пожелтѣли отъ жары, градъ, дожди и жара, попеременно, уничтожали всякую надежду на какой-либо урожай. Блѣдная, голодная немощь заглядывала въ хаты и приносила съ собою моръ. Люди питались травой, древесной

корой и всё́мъ, что могло пройти черезъ засохшія отъ горячки уста, вызывая сумасшествіе и смерть...

Благодаря этому, деревни пустѣли и жители ихъ разбѣгались въ поиски за работой.

На дорогахъ лежали не погребенные трупы, которые клевали вороны и глодали звѣри; воздухъ былъ преисполненъ ядовитымъ запахомъ человѣческой гнили; въ мѣстечкахъ, въ которыхъ стремился народъ, распространялся поわальный моръ; отчаяніе разнуздывало людей и доводило до безумія.

Всѣ находились въ опасности, такъ какъ даже братья, изъза куска хлѣба убивали другъ друга; цѣлыя шайки нападали на господскіе усадьбы и дворы, разбивали амбары, грабили и убивали по большимъ дорогамъ купцовъ и проѣзжихъ.

Тревога овладѣвала даже тѣми, у кого еще былъ хлѣбъ, боясь, чтобы его не вырвали у нихъ изъ глотки; болѣе состоятельные люди бѣжали за границу... Землевладѣльцы и помѣщики прятались въ городахъ, въ которыхъ тоже всѣ дрожали за свою жизнь, ибо и туда ужъ заглянулъ моръ; чернь разнуздавалась, ворчала и стонала отъ голода. Въ церквяхъ совершались постоянныя молебствія и всюду видны были горе, слезы и стоны.

Именно въ этомъ году, послѣ жесточайшей зимы, унесшей тысячи жертвъ, толпы голодныхъ людей валили къ Бохнѣ и Кракову на работы, дѣлать просѣки для дорогъ, копать канавы и строить по приказанію короля каменные замки. Всѣ хлѣбные склады и амбары были для нихъ открыты и люди шли туда безконечными вереницами.

Подъ Бохней, которую король соединялъ каналомъ съ Краковомъ, производились землянныя работы; между толпами рабочихъ, половина которыхъ отдыхала у костровъ, сидѣлъ на конѣ, покрытомъ красной попоной, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ красивыми темными волосами, посеребрившимися на вискахъ. Онъ былъ окруженъ небольшой свитой.

Это былъ король.

Онъ лично хотѣлъ видѣть работу тѣхъ людей, которыхъ любилъ и которымъ платилъ изъ государственной казны и изъ собственной шкатулки. Рыцари и дворяне опять возроптали, что онъ заботится больше о кметахъ, чѣмъ о нихъ.

Король отвѣчалъ имъ, что они, имѣя всѣ средства для обработки и хозяйствуя испоконъ вѣковъ, могли сами приобрести все, что имъ надо, и обязаны были имѣть запасъ хлѣба, тогда какъ крестьяне, живя изъ года въ годъ въ бѣдности, ничего не могли приобрести, а потому онъ находить справедливымъ спасать тѣхъ, кто самъ не могъ спастись...

Тысячи лопатъ работали по прорытію канала изъ Бохны въ Браковъ. Народъ, какъ муравьи, копошился подъ наблюдениемъ старшинъ, руководившихъ дѣломъ. Вездѣ царствовалъ порядокъ, какъ въ войскахъ, идущихъ на непріятеля. По обоимъ берегамъ прорываемаго канала стояли шалаши для рабочихъ, точно наскоро сколоченныя деревни, пекарни и бани. Было что ѣсть, гдѣ помыться, отдохнуть и спрятаться отъ дождя.

Теперь онъ стоялъ среди своего любимого народа, и его сердце билось отъ радости. Онъ забывалъ между ними о всѣхъ своихъ заботахъ, уста улыбались и глаза сіяли счастьемъ. Отъ времени до времени, кто-либо кланялся ему изъ ближайшей толпы, съ пріятнымъ воспоминаніемъ о томъ, что король когда-либо удостоивалъ его своимъ милостивымъ разговоромъ; Казиміръ тоже припоминалъ его. По временамъ, къ нему подходилъ какой-либо оборванецъ и, съ довѣрчивостью ребенка, заговаривалъ съ нимъ, зная, что отецъ не прогонитъ его. Было даже приказано не воспрещать бѣднякамъ подходить къ нему, и каждый могъ свободно разговаривать съ нимъ.

Такъ было и въ данный моментъ: король выдвинулся впередъ изъ своей свиты и смотрѣлъ на тружениковъ своимъ отцовскимъ взглядомъ. Одинъ изъ нихъ, воткнувъ въ землю лопату, медленными шагами приблизился къ нему.

Казиміръ посмотрѣлъ на него со вниманіемъ, стараясь припомнить и узнать въ этомъ исхудаломъ оборванцѣ знакомаго ему мужичка. Это былъ сильный, здоровеннаго роста мужчина, какъ будто нарочно сотворенный Богомъ для борьбы съ нуждою.

Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ лохмотья, въ грубой полотняной рубашкѣ съ заплатками, въ сѣренькомъ дырявомъ армячишкѣ, въ лаптяхъ-коверзняхъ и въ колпачишкѣ, поблекшемъ отъ дождя. Несмотря на такую бѣдность, онъ подходилъ къ королю такъ смѣло, точно онъ былъ одѣтъ въ парчу, бархатъ и шелкъ.

Король сидѣлъ на конѣ, мужичекъ наклонился къ его ногѣ и затѣмъ поднялъ на него свои грустные глаза.

— Ну, зачѣмъ пришелъ? — спросилъ его ласково король.

— Поклониться вашей милости, поклониться! — смѣло отвѣтилъ крестьянинъ. — Давно не видалъ своего государя, но хорошо запомнилъ его!..

Онъ глубоко вздохнулъ и затѣмъ прибавилъ:

— Вѣдь мой-то отецъ удостоился счастья принимать васъ въ своей хатѣ и моя мать и сестра прислуживали вамъ... Но прошло то доброе время, когда мы могли принимать, чѣмъ Богъ послалъ... а теперь...

— Ты сынъ стараго Вѣдуна изъ Прондвиковъ? — спросилъ Казиміръ, припоминая его.

— Да, милостивый король! — медленно отвѣтилъ мужичекъ. — Но теперь въ Прондвикахъ никого нѣтъ... Отца убили Неорза, когда онъ возвращался изъ Вислицы, а мать умерла... Мнѣ тоже не посчастливилось... пришла болѣзнь и унесла всю мою семью... хата опустѣла и я остался одинъ-одинешенекъ...

Онъ повѣсилъ голову.

— Потомъ неурожай, голодъ, моръ... скотинка попадала... хата сгорѣла, да и въ ней нечего было дѣлать одному... Вотъ я и пошелъ по міру... Никто не сжалился надо мной, а дойти до вашей милости — не могъ и ужъ думалъ, что поколѣю гдѣ либо у забора, какъ вдругъ насъ позвали работать и я пошелъ съ лопатой!.. Награди васъ, Господи, государь вашъ милостивый!.. Если бъ вы не сжалились надъ нами, то насъ тысячи попадали бы какъ мухи!..

Король слушалъ рѣчь мужичка, прерываемую вздохами, и призадумался.

— Напрасно ты не пришелъ ко мнѣ своевременно, — отозвался онъ наконецъ. — Я ѣлъ вашъ хлѣбъ и могъ бы тебѣ помочь.

Мужичекъ покачалъ головою. Обладая даромъ слова, онъ могъ свободно объясняться, какъ его покойный отецъ.

— Хоть бы вы и хотѣли, государь, то не могли бы помочь всей людской бѣдѣ, — отвѣтилъ онъ съ грустной улыбкой. — Не одинъ я былъ безъ хлѣба, а въ замокъ не протиснуться бѣдному человѣку черезъ пановъ, рыцарей и дворянъ.

— Но вѣдь вы знаете, что и для васъ у меня всегда дверь открыта! — воскликнулъ король.

— Да вѣдь при нихъ стоитъ стража, которая не пустить въ дырявой сермяжкѣ.

— Ну, а что же случилось съ землей и хатой?

— Хата, какъ я сказалъ, сгорѣла, а земля — запустѣла, и Неорза посадилъ на ней какого-то пришельца... Возвращаться туда мнѣ было бы и не подъ силу. Глядя на своихъ бѣдныхъ покойничковъ, я и самъ бы извелся съ тоски...

Позади короля стоялъ писарь, которому король сдѣлалъ знакъ, чтобы тотъ записалъ себѣ на память, что онъ станетъ говорить.

— Я прикажу дать тебѣ землю, — сказалъ онъ, — а насчетъ скотины ты понавѣдайся въ Бохну и тамъ тебѣ дадутъ кое-что для покупки.

Вѣдунъ равнодушно слушалъ короля.

— Не вѣшай головы и не печалься, — прибавилъ король. — Ты еще не старъ и можешь трудиться...

При этомъ онъ указалъ на писаря, который кивнулъ мужику головою, чтобы онъ подошелъ къ нему.

— Писарь все сдѣлаетъ для тебя согласно моему приказанію, а пока ты еще состаришься, то можешь устроить себѣ гнѣздо...

Вѣдунъ молча наклонился къ ногѣ короля и, поцѣловавъ ее, отошелъ въ сторону.

Это былъ не первый разговоръ и благодѣяніе такого рода. Пожалованія землями производились почти каждый день, какъ равно и выдача денегъ изъ казны.

Такія его дѣйствія вызывали неудовольствіе въ рыцаряхъ и дворянахъ, которые съ каждымъ днемъ теряли къ нему уваженіе. Казнь Борковича, о преступленіяхъ котораго всѣ позабыли, а только помнили его смерть, тоже ставили ему въ упрекъ, какъ знакъ его особеннаго неблаговоленія къ рыцарству и дворянству. Кромѣ того, подтвержденіе Болеславовскихъ привилегій для евреевъ, обогащеніе Вѣржинка, какъ мѣщанина, который, служа королю, составилъ себѣ громаднѣйшее состояніе, — все это доказывало, по ихъ убѣжденію, что Казиміръ съ умысломъ унижаетъ привилегированный классъ, который привыкъ считать себя достойнѣйшимъ изъ всѣхъ вѣрноподданныхъ и требовалъ особеннаго отъ него вниманія.

Въ виду этого двое не только и питали свою надежду на будущаго наслѣдника престола, Людовика, который обѣщалъ имъ возвратить бывшее ихъ значеніе.

Разумѣется, Казиміръ ужъ потерялъ всякую надежду на полученіе сына и стремился только оставить послѣ себя память, которая увѣковѣчила бы труды его царствованія.

Наконецъ, достигнувъ всего, что было намѣчено, король задумалъ построить и собственную школу въ Краковѣ. Онъ заложилъ громаднѣйшее зданіе той академіи, которая, по его мысли, должна была сдѣлаться матерью-просвѣтительницею его народа.

— Ну, теперь я могу спокойно умереть,—обратился онъ съ ласковой улыбкой къ отцу Суховильку и съ тою гордостью, которая доказывала, что онъ достигнулъ цѣли.

— Всемиловѣйшій король!—отвѣтилъ о. Суховилькъ,—несомнѣнно, вы много сдѣлали для государства, но должны жить для насъ, ради того, чтобы зерно посѣянное вами, вкоренилось и выросло и чтобы первая буря не оборвала его молодыхъ и еще не окрѣпшихъ побѣговъ.

То было въ послѣднихъ дняхъ сентября 1360 года.

Осень давала ужъ чувствовать себя легкими заморозками и пасмурнымъ небомъ, на которомъ рѣдко показывалось солнышко.

Въ Краковѣ скучали по королѣ, котораго ужъ давно не было: онъ уѣхалъ осматривать уже построенные имъ замки, назначать новыя постройки и корчеваніе вновь проложенныхъ дорогъ. Обѣхавъ всю Великопольшу, онъ проѣхалъ черезъ Сѣрадзъ къ югу и остановился въ недавно построенномъ замкѣ Предборьи. Его возвращенія ожидали со дня на день.

Въ послѣдніе дни сентября, вечеромъ, Николай Вѣржинокъ сидя спокойно у стола, разговаривалъ съ однимъ изъ членовъ городского совѣта, который стоялъ передъ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, какое питалъ къ человѣку, имѣвшему честь принимать у себя царей и королей и дарить имъ драгоценныя подарки. Вѣржинокъ, награжденный гербомъ Лагоды, сдѣлался значительнѣйшимъ изъ сановниковъ въ королевствѣ, какъ было значительно и само королевство при Казимірѣ.

Среди спокойнаго разговора Вѣржинокъ вдругъ услышалъ лошадиный топотъ, умолкшій у воротъ его дома. Хотя въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, однако онъ вздрогнулъ и, обуреваемый какимъ-то предчувствіемъ, положилъ палецъ на губы и началъ прислушиваться.

Вскорѣ послышались поспѣшные шаги; Вѣржинокъ всталъ и пошелъ къ дверямъ, которыя открылись и въ нихъ показался Коханъ Рава, въ дорожномъ костюмѣ и въ загрязненныхъ сапогахъ. На лицѣ его видно было изнуреніе и какое-то лихорадочное состояніе.

Вѣржинокъ протянулъ ему руку съ улыбкой на губахъ, но, увидѣвъ его измѣнившееся лицо, не могъ даже поздороваться и съ безпокойствомъ уставился на него глазами.

— Король вернулся?—спросилъ онъ гостя, который осматривалъ мелькомъ полутемную комнату.

— Развѣ вы ничего не знаете?—возразилъ Коханъ.

— Бога ради!.. Что же случилось?.. Ходили какіе-то смутные слухи... Говорите!

— Вскорѣ это не будетъ ни для кого тайной! — воскликнулъ Рава, тяжело вздыхая. — Большое несчастье и сохрани насъ, Господи, отъ большаго!..

— Живъ король?

— Слава Богу, живъ... но жестоко страдаетъ.

Коханъ, все еще стоявшій у дверей, подошелъ къ столу, бросилъ шапку и опустился на ближайшую скамейку, весь дрожа отъ усталости.

— Бога ради, скажите, что случилось? — спросилъ испуганно Вѣржинокъ. — Мы слышали, что король сильно захворалъ, но не вѣрили этому... Можетъ быть, какое другое несчастье?..

Коханъ опустилъ голову на грудь.

— Мы были въ Предборьи, — отвѣтилъ онъ, тряхнувъ головой. — Въ Рождество Богородицы его уговорили поѣхать на охоту, хотя онъ вовсе не хотѣлъ... Это былъ несчастный день и лучше бы онъ не ѣздилъ. Капелланъ тоже не совѣтовалъ ему ѣхать ради такого торжественнаго дня, но нашлись такіе совѣтники, которые уговорили его... Онъ соблазнился намѣченнымъ оленемъ... День былъ прекрасный, погода — чудная, ло-

шади готовы и охотники въ сборѣ... Король отстоялъ обѣдню въ замкѣ, пообедалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ... А вы знаете, какъ онъ охотится!.. Иногда нѣсколько мѣсяцевъ не подумаетъ объ охотѣ, а ужъ собравшись, — никому не уступить... Такъ было и въ Предборскихъ лѣсахъ. Олень мелькнулъ, передъ нимъ. Охотники помчались, король не отставалъ... Лѣсъ былъ густой и много валежника... Всѣ мы погнались, едва успѣвая за нимъ... Я не спускалъ его съ глазъ, но вдругъ онъ исчезъ, точно провалился... Я помчался къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ его въ послѣдній моментъ, и засталъ лошадь упавшей, а короля — подъ нею, попавшимъ лѣвой ногой на острый сукъ упавшаго дерева; онъ оказался въ крови. Всѣ моментально сбѣжали къ нему, подняли его и лошадь, но онъ сильно разбился и, раненный, едва могъ удержаться на ногахъ... Оба лѣкаря, Генрикъ изъ Кельна и Матвѣй — изъ Кракова, бывшіе при насъ, остались въ Предборьи, и мы сами кое-какъ перевязали платками рану и остановили кровь... Пришлось сдѣлать носилки и перенести на рукахъ, такъ какъ онъ не могъ сѣсть на коня... Однако онъ смѣялся и шутилъ, не обращая особеннаго вниманія на рану, но мы то видѣли, что рана была опасная... Пока мы перевязывали, ловчій помчался за лѣкарями, чтобы они поѣхали навстрѣчу... Вѣсть о случившемся несчастии живо облетѣла всѣхъ... Каждый могъ подумать, что капелланъ не напрасно совѣтовалъ не ѣхать въ праздникъ на охоту, но теперь ужъ было поздно упрекать въ этомъ... Еще мы были далеко отъ замка, какъ оба лѣкаря примчались верхомъ... Но мнѣ кажется, что если бъ кто-либо изъ нихъ былъ одинъ, то король скорѣе всталъ бы съ постели...

Рава усталъ говоря и глубоко вздохнулъ.

— Но вы знаете обоихъ докторовъ, — прибавилъ онъ. — Оба они ученые люди и оба любятъ короля; но они живутъ между собою какъ кошка съ собакой, и если одинъ говорить, что это бѣло, то ужъ другой непременно скажетъ — черно! Генрикъ Кельнскій считаетъ неучемъ Матвѣя Краковского, а послѣдній называетъ Генрика шарлатаномъ. Одинъ придерживается книжной мудрости, а другой доказываетъ, что только народные средства полезны для человѣка; Генрикъ приготовляетъ медицинскія лѣкарства, а Матвѣй ищетъ разныхъ цѣ-

лебныхъ травъ и больше предоставляетъ натурѣ... Они никогда и ни въ чемъ не сходились между собой, даже относительно пищи, которой питается король. Но Генрикъ опытиѣе и Матвѣй долженъ былъ уступить ему мѣсто...

Разсказывая все это, Коханъ часто вздыхалъ. Вѣржинокъ и членъ городского совѣта слушали его съ признаками страха и сочувствія. Наконецъ, Миклашъ съ нетерпѣньемъ воскликнулъ:

— Почему же вы не принесли его хоть на рукахъ въ Бракъвъ? Здѣсь бы нашлись и доктора, и хорошій уходъ, и все, что надо для больного!

— Конечно! — возразилъ Рава. — И король хотѣлъ въ Бракъвъ, но докторъ Генрикъ не позволилъ, говоря, что ему необходимо спокойствіе, такъ какъ отъ раны образовалась горячка... Онъ бредилъ по ночамъ и ужасно кричалъ... А вѣдь вы знаете, что король не любитъ, чтобы его подслушивали даже ночью, когда онъ можетъ сказать что-либо сквозь сонъ...

Вѣржинокъ и Коханъ значительно переглянулись... Имъ было извѣстно, что король, по временамъ, сильно стоналъ по ночамъ, вспоминая и грезя Амадеевской исторіей.

— Когда горячка немного пріутихла, — продолжалъ Рава, — мы вынуждены были везти и нести его въ Сандоміръ... Такъ какъ на телѣгѣ его очень подбрасывало, то люди, мѣняясь, кое-какъ дотасили до замка, который, однако, оказался сырмъ, затхлымъ и не отопленнымъ, хотя мы заранѣе послали туда гонца, чтобы все было приготовлено для пріема. Но мы не долго тамъ пробыли, потому что Король спѣшилъ въ Бракъвъ. Ему сдѣлалось лучше и онъ пересталъ слушаться суроваго Генрика, который требовалъ, чтобы онъ лежалъ спокойно, немного ѣлъ и не ходилъ въ баню. Король не согласился съ этимъ, говоря, что онъ чувствуетъ себя отлично. Къ тому же и докторъ Матвѣй былъ такого мнѣнія, что сама натура указываетъ человѣку, что ему вредно и что полезно, а потому находилъ, что баня нисколько не помѣшаетъ, и король, чуть не силою, вошелъ въ нее. Генрикъ схватился за голову... Вдобавокъ ко всему, услужливые люди повезли ему яблоковъ, грушъ и орѣховъ, которые Казиміръ очень любитъ; но все это Генрикъ запретилъ ему, а Матвѣй — разрѣшилъ, вѣдствие чего опять произошла ссора. Король послушался совѣта Мат-

вѣя, поѣлъ фруктовъ послѣ бани и легъ спать; но въ ночь у него возобновилась горячка, да такая сильная, что мы всѣ испугались. Между докторами опять произошла ссора, и Генрикъ хотѣлъ оставить дворъ. Оба доктора сваливали другъ на друга бѣду... Послѣ горячки королю захотѣлось пить. Генрикъ не позволялъ пить сырой воды, а Матвѣй сказалъ — пусть пьетъ, сколько захочетъ, и кельнскій докторъ уступилъ, умывая руки... Король напился и вскорѣ мы замѣтили, что ему сдѣлалось хуже. Король, придя немного въ себя, требовалъ вести его скорѣе въ Краковъ, но по дорогѣ его пригласилъ къ себѣ люблинскій воевода. Такъ какъ это было по пути, мы понесли его туда... Съ королемъ все дѣлалось хуже и мы теряли головы... Пробывъ короткое время у воеводы, король приказалъ нести себя въ Краковъ. Воевода умолялъ остаться и докторъ Генрикъ совѣтовалъ; но докторъ Матвѣй былъ противнаго мнѣнія, и мы понесли... Было холодно и вѣтренно. Приходилось закрывать его; но онъ все раскрывался... Наконецъ мы добрались до монастыря въ Копривницѣ, гдѣ нашли всѣ удобства и лѣкарства... Тамъ мы пробыли восемь дней... Ему сдѣлалось лучше и онъ приказалъ опять нести себя... И вотъ мы добрались до Осѣка, откуда я, по приказу короля, и прибылъ сюда.

— Все-таки теперь онъ чувствуетъ себя лучше? — спросилъ съ безпокойствомъ Вѣржинокъ.

— Докторъ Матвѣй говоритъ, что лучше, а Генрикъ молчитъ и выглядитъ совсѣмъ убитымъ... По его глазамъ я вижу, что дѣло плохо... Какъ прежде они поссорились изъ-за воды, такъ въ Осѣкѣ повздорили изъ-за меду... Король очень ослабъ и просилъ вина или старого меду. Генрикъ, увидѣвъ, что ему несутъ медъ, взбѣсился и крикнулъ, что Матвѣй уморить короля, если позволить выпить его, а послѣдній сказалъ наоборотъ и приказалъ отнести медъ королю... Однако Генрикъ, оказался правъ, потому что горячка возобновилась и Казиміръ совсѣмъ обезсилилъ... Теперь одинъ Богъ знаетъ, донесутъ ли его до Кракова...

Рава подперъ голову рукою и призадумался. Миклашъ стоялъ, какъ вкопанный, съ сжатыми кулаками, и двѣ крупныхъ слезы скатились по его лицу.

— Но нѣтъ! нѣтъ!—прервалъ онъ молчаніе.—Господь не накажетъ насъ такъ жестоко!.. Король еще не старъ и у него крѣпкая натура... выдержитъ и поправится!..

— Мы тоже такъ думали, но въ послѣдніе дни наши опасенія увеличились... Болѣзнь эта ужасно истощила его... Къ тому же, я не вѣрю доктору Матвѣю, хотя онъ и говоритъ, что скоро настанетъ переломъ болѣзни.

— Ну, а самъ король, что чувствуетъ и что говоритъ?

На этотъ вопросъ призадумавшійся Коханъ долго не могъ отвѣтить.

— Я не хочу ни себя, ни васъ лишать надежды,—отозвался онъ наконецъ,—но король сильно измѣнился... Его щеки провалились, глаза горятъ лихорадочнымъ огнемъ, губы запеклись... Онъ больше дремлетъ или спитъ, а проснувшись — не всегда находится въ сознаніи... Такой безпокойный сонъ докторъ Генрикъ находитъ не естественнымъ и опаснымъ, а Матвѣй говоритъ, что сама натура посылаетъ его для подкрѣпленія...

— Лучшій лѣкарь—это Господь!—внезапно воскликнулъ Вѣржинокъ.—На Него я возлагаю всѣ мои упованія и не вѣрю ни одному изъ этихъ шарлатановъ...

Оба замолчали и вздохнули.

— Когда прибудетъ король?—спросилъ хозяинъ, съ безпокойствомъ вертясь около Кохана.

— Не знаю и ничего сказать не могу,—возразилъ онъ.—Его медленно несутъ, нуженъ постоянный отдыхъ, и Богъ знаетъ, что еще можетъ случиться въ дорогѣ?..

Въ этотъ моментъ дверь внезапно открылась и красивый юноша, одѣтый какъ королевичъ, вошелъ въ комнату. Онъ даже не поздоровался ни съ кѣмъ и прямо подбѣжалъ къ Кохану.

— Что король? король?—задыхаясь отъ быстрой ходьбы, спросилъ юноша.

Рава посмотрѣлъ на него, не вставая съ мѣста.

— Бога ради,—скажите, что случилось?—продолжалъ мальчикъ.—Мы знаемъ, что на охотѣ случилось несчастье, что потомъ ему было лучше!.. Зачѣмъ вы оставили его? Почему онъ не возвращается?..

Коханъ ничего не отвѣтилъ.

— Говорите же!.. Я поѣду къ нему... Онъ гдѣ-либо оставился?... Ему не хуже?... Да?..

Но Коханъ угрюмо молчалъ и смотрѣлъ, уставившись въ полъ. Вѣржинокъ взялъ юношу за руку.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—съ королемъ очень плохо и его несутъ изъ Осѣки. Рана воспалилась и одна надежда на Бога. Юноша заломилъ руки.

— Все равно, вы тамъ ничему не поможете, хоть бы и поѣхали,—небрежно отозвался Коханъ.—Надо скоро ожидать прибытія его въ Краковъ... Но онъ плохъ, очень плохъ.

— А лѣкари?

Коханъ только пожалъ плечами. Юноша сѣлъ на скамейку, свѣсилъ голову и призадумался... Его лицо сильно измѣнилось и поблѣднѣло.

— Господи! что будетъ со мною? Что будетъ съ нами, если случится какое-либо несчастье?—воскликнулъ онъ.

— Съ вами?—перобилъ его Вѣржинокъ,—лучше скажите: со всѣми нами, со всѣмъ королевствомъ!.. Не въ васъ однихъ дѣло... Если его не станеть, то всѣ лишатся отца.

Въ это время слышались шумъ и шаги въ сѣняхъ... Очевидно, тамъ кто-то спорилъ съ придвернымъ, который не хотѣлъ впускать. Шумъ становился все громче и громче...

Дѣло въ томъ, что извѣстіе о прибытіи Кохана разошлось быстро по городу и какъ мѣщане, такъ и дворяне хотѣли узнать отъ королевскаго слуги о состояніи здоровья Казимира и поэтому ломились въ дверь дома Вѣржинка.

Одинъ изъ пришедшихъ, входъ которому никогда не воспрещался, вошелъ въ комнату, а за нимъ насильно повалили и всѣ остальные. Впереди ихъ шелъ о. Суховилькъ, за нимъ—мѣщане и придворные, Добекъ Бончъ и сынъ кастеляна краковскаго.

— Что—король?—слышались голоса.

Коханъ, увидѣвъ о. Суховилька, шедшаго съ омраченнымъ лицомъ, всталъ для привѣтствія. Толпа окружила его.

Всѣ умолкли, желая узнать подробности о случаѣ съ королемъ. Въ общемъ то ужъ всѣ знали, но Коханъ повторилъ вкратцѣ рассказанное Вѣржинкомъ.

Присутствующіе внимательно слушали его и на ихъ ли-

цахъ выразились тревога и безпокойство. Будущность безъ короля и неизвѣстная судьба Польши, которая должна была перейти во владѣніе чужого монарха, для всѣхъ была ужасна...

— Хотя я не докторъ,—отозвался о. Суховильскъ,—но, по моему, не слѣдовало допускать лѣчить двумъ докторамъ, которые враждуютъ между собою... Я знаю Генрика, какъ опытнаго ученаго эскулапа, а Матвѣя, какъ преданнаго королю, но живого темперамента... Почему же не слушали Генрика?

Коханъ не отвѣтилъ.

Въ этотъ моментъ юноша, сидѣвшій задумавшись на скамейкѣ, подошелъ къ о. Суховильску, поцѣловалъ его руку и тихо произнесъ:

— Отецъ! не забудьте насъ...

Это былъ Янъ Богута, сынъ Рокичаны, похожій какъ по лицу, такъ и по характеру на отца... Онъ ужъ много протранжирилъ материнскаго состоянія, король не особенно любилъ его и мало помогалъ.

Ксендзъ Суховильскъ довольно холодно отвѣтилъ ему:

— Я думаю, что король еще не такъ плохъ, чтобы потерять всякую надежду на его выздоровленіе.

— Сохрани Богъ!—отозвались присутствующіе.

— Только бы онъ прибылъ въ Браковъ!—прервалъ Добекъ,—а здѣсь найдутся хорошіе доктора.

— Зачѣмъ мѣнять?—воскликнулъ о. Суховильскъ. — Надо только слушаться кельнскаго доктора... Онъ окончилъ одну изъ лучшихъ медицинскихъ академій въ Кельнѣ, оттуда выходятъ образцовые доктора!..

Наконецъ Коханъ взялся за шапку, попрощался съ хозяиномъ и ушелъ вмѣстѣ съ Суховильскомъ. Вскорѣ за ними ушли всѣ остальные и Вѣржинокъ остался одинъ. Хотя ужъ было поздно, но онъ еще не скоро отправился на отдыхъ.

Между тѣмъ на улицахъ видно было безпокойное движеніе народа, и когда на слѣдующее пасмурное утро городъ проснулся, то всѣ только и говорили о болѣзни короля.

Духовенство, не смотря на значительныя милости и вклады въ церкви и монастыри, все еще не могло забыть смерти Барычки и связи съ Эсэирью, а теперь вдругъ неуваженіе къ празднику!.. Это послѣднее, по ихъ мнѣнію, не предвѣщало

ничего хорошаго и служило доказательствомъ, что Господь разгнѣвался на короля и послать ему испытаніе.

Въ то время, когда жиды, простой народъ и близко стоящіе къ Казимиру люди соболѣзновали и плакали при одной мысли о потерѣ короля, большинство дворянъ и рыцарей посматривали на Венгрію въ надеждѣ, что король Людовикъ возстановитъ то, что было испорчено Казиміромъ.

Въ тотъ же день сторонники Людовика отправили пословъ въ Буду съ донесеніемъ королевѣ Елисаветѣ и ея сыну объ опасной болѣзни Казимира, предлагая имъ немедленно пріѣхать для полученія престолонаслѣдія.

Но многіе еще питали надежду, что король выздоровѣетъ.

Какъ только получилось извѣстіе о скоромъ прибытіи короля въ Краковъ, народъ каждый день ожидалъ его возвращенія. Гонцы, пріѣзжавшіе отъ него, не привозили никакихъ утѣшительныхъ новостей: его несли почти въ безпамятствѣ и онъ только бредилъ о Краковѣ, очевидно, помня о томъ, что докторъ Матвѣй обѣщалъ его тамъ поставить на ноги.

Наконецъ 30-го октября краковяне были оповѣщены, что въ этотъ день король прибудетъ въ замокъ. Всъ городъ высыпалъ на улицы, и хотя шелъ осенній дождь, никто не думалъ возвращаться подъ крыши.

Передъ вечеромъ показались возы и всадники. Короля несли на носилкахъ съ дугами, плотно обтянутыми кожами, шесть человекъ равномерно шагали по грязи; около носилокъ шли докторъ и придворные съ поникшими головами.

Медленное шествіе въ безусловный тишинѣ похоже было на погребальное. Въ ожидавшей на улицѣ толпѣ тоже не раздалось ни одного звука. Сердобольные люди тихо плакали, смотря издали на черныя носилки, въ которыхъ лежалъ еще живой, но совсѣмъ обезсилѣвшій и въ безпамятствѣ король.

Народъ медленно потянулся за своимъ государемъ на Вавель, но за нимъ ворота заперлись какъ бы навѣки.

На слѣдующій день по городу кружились разнообразнѣйшіе слухи. Одни говорили, что королю лучше, что онъ пришелъ въ сознаніе и чувствуетъ себя отлично; а другіе — наоборотъ, что всѣ ждуть со слезами послѣдней минуты.

Кромѣ завѣщанія короны племяннику Людовику, король

не сдѣлалъ другого относительно своего личнаго имущества. Оставшіяся дѣти отъ первой и послѣдней жены, а также отъ Рокичаны и Эсѳири ожидали обезпеченія. Сына Рокичаны мы уже видѣли; а у Эсѳири было нѣсколько дочерей и сынъ Немиръ; Пелка умеръ въ дѣтствѣ.

А между тѣмъ духовенство было противъ завѣщанія имъ чего бы то ни было, такъ какъ наслѣдство подтверждало бы ихъ происхожденіе и давало извѣстныя права, тогда какъ оно хотѣло стереть навсегда память о его любовныхъ похожденияхъ.

На четвертый день послѣ прибытія короля въ Краковъ уже никто не рассчитывалъ на продолженіе его жизни. Докторъ Генрикъ открыто заявлялъ, что Казиміръ не можетъ выздоровѣть. Матвѣй сидѣлъ у постели больного и плакалъ. Больной былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ южной части замка. Здѣсь, у оконъ, толпился народъ, получившій позволеніе войти на Вавель, и тихо бесѣдовалъ о жизни и смерти короля, который былъ совсѣмъ плохъ и не подавалъ никакой надежды.

Весь день у постели происходилъ совѣтъ и записывалась послѣдняя воля короля. Умиравшему пришлось еще бороться съ духовенствомъ и съ неудовольствіемъ родной семьи къ побочнымъ дѣтямъ, которымъ едва удалось что-либо оставить.

Съ этой минуты смерть короля, казалось, была рѣшена, и всѣ только ждали печальнаго звона колоколовъ на Вавелѣ.

Пятаго ноября могильная тишина еще царствовала во всемъ городѣ; люди только что начали просыпаться, когда послышался первый ударъ въ колоколъ церкви святого Вацлава, оповѣстившій о печальной кончинѣ великодушнѣйшаго изъ королей... Весь городъ застоналъ и заплакалъ.

Во время похоронъ королева Ядвига шла въ глубокомъ траурѣ съ двумя дочерьми за гробомъ мужа. Она совсѣмъ осиротѣла и вынуждена была скоро оставить замокъ, въ которомъ никогда не царствовала, и чувствовала, какъ вокругъ нея пустѣло и какъ люди отшатывались отъ нея.

Въ тотъ же моментъ въ каменномъ домѣ въ Лобзовѣ смотрѣла въ окно на обнаженные вѣтви деревь молодая, красивая, величественная женщина. Она сидѣла точно окаменѣлая. Ея черныя глаза, устремленные на мрачный осенній видъ,

заволокнутый туманомъ, ничего не видали, и она не могла даже заплакать. Съ первымъ ударомъ колокола на Вавель для нея кончилось все: не король умеръ для нея, а она сама умерла съ нимъ. Ея сынъ, десятилѣтній Немиръ, и двѣ дѣвочки сидѣли не подалеку отъ нея и смотрѣли на мать, не понимая ея горя, которое отняло у нея даже память о нихъ. Гробовая тишина царствовала вокругъ; но вѣтеръ доносилъ на мокрыхъ крыльяхъ изъ Кракова стонъ колоколовъ...

Эсѳиръ, какъ только король вернулся въ Краковъ, пошла на Вавель переодѣтой до неузнаваемости, стала въ сѣняхъ и ждала милосердія. Она ничего не желала ни для себя, ни для дѣтей, а только послѣдній разъ взглянуть на благодѣтеля и прикоснуться губами къ его остывающей рукѣ.

Глаза короля искали ее вокругъ; сердце чувствовало, что она близко находится, но уста не смѣли призвать. Суровыя лица духовенства и людей, не понимавшихъ слабостей жизни и сердца, стояли на стражѣ, чтобы не допустить до прощанія. Недавно кланявшіеся и заискивавшіе у Эсѳири теперь проходили мимо и знать ее не хотѣли.

На слѣдующій день изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ королевскій капелланъ съ строгимъ лицомъ и рѣзкимъ голосомъ съ ироніей сказалъ ей, чтобы она уходила, какъ равно ушли бы и всѣ посторонніе изъ сѣней и двора.

И она была посторонняя! Самое ея присутствіе позорило королевскій замокъ, въ которомъ ея никто видѣть не хотѣлъ. Капелланъ громко сказалъ, чтобы всѣ удалились, но Эсѳиръ не двинулась съ мѣста.

Мимо нея проходилъ задумавшійся Рава. Она схватила его за эпанчу, которая тащилась за нимъ, свѣсившись съ плеча, по полу, но не отозвалась, а только открыла закутанное вуалью лицо и взглянула на него своими большими глазами.

Коханъ остановился и пожалъ плечами. Могъ ли онъ теперь что-либо сдѣлать?!

Была ночь и онъ шелъ къ ложу больного короля.

Казиміръ находился въ томъ тяжеломъ предсмертномъ забытіи, которое предвѣщаетъ смерть. Онъ безпокойно раскидывался на постели, глаза по временамъ открывались, а губы безсвязно шептали чьи-то имена.

Въ моментъ, когда король какъ будто проснулся, Коханъ шепнулъ ему только одно слово, одно имя. Казиміръ вздрогнулъ, открылъ глаза и какъ будто искалъ тѣни прошлаго, но увидѣлъ только два лица: слуги и ксендза, который стоялъ на стражѣ, и его вѣки опять опустились: онъ опять не то задремалъ, не то замечтался.

Коханъ вышелъ въ сѣни и засталъ тамъ, на той же скамейкѣ, гдѣ оставилъ, печальную Эсеирь...

Она не видала, а только почувствовала его приходъ, вздрогнула и подняла на него свои прекрасные глаза. Онъ не посмѣлъ ей сказать ни слова, а только развелъ руками, повѣсилъ голову и сдѣлалъ жестъ, выражавшій сомнѣніе.

Послѣ этого онъ подалъ ей руку и молча указалъ на ворота. Нѣмая сцена произошла между этими двумя лицами. Эсеирь не хотѣла вѣрить, что она оставлена, забыта, осиротѣла.

Коханъ, изъ милосердія, постарался отнять у нея всякую надежду. Онъ схватилъ ее подъ руку и почти силою потащилъ за собою.

Эсеирь оглянулась еще разъ, заколебалась и наконецъ, какъ бы воодушевившись, оттолкнула руку Кохана и рѣшительными шагами направилась къ воротамъ.

Рава молча проводилъ ее.

Изъ многочисленной и богатой фамиліи Эсеири, кромѣ Левки, почти никто не сближался съ нею. Да и она сама избѣгала всякихъ сношеній съ родными, которые могли напоминать королю ея происхожденіе. Ея компатріоты, которымъ она, покровительствовала, когда дѣло касалось ея народа, очень уважали ее и снисходительно смотрѣли даже на то, что она по волѣ короля, согласилась крестить своихъ дѣтей.

Левко приходилъ къ ней только по особенно важнымъ еврейскимъ дѣламъ, да и другіе не беспокоили ея... А въ послѣдніе годы она почти никого не видала и жила совсѣмъ обособленно. Кромѣ прислугъ-евреекъ у нея никого не было.

Въ моментъ, когда она, сопровождаемая Коханомъ, уходила изъ замка, она встрѣтилась съ Левкой, который какъ будто поджидалъ ее. Теперь пришелъ его чередъ быть опекуномъ той женщины, у которой не было никого. Легко было догадаться, что всѣ, смотрѣвшіе недовольными взглядами на любовную

связь короля, превратившуюся въ привязанность, восполняются его смертью, будутъ стараться унижить ее, а можетъ быть обобрать и прогнать, въ отместку за то, что она владела его сердцемъ и что они не могли его отнять отъ нея.

Теперь Левко, какъ родственникъ, являлся ей на помощь съ особенной охотой въ память короля, котораго считалъ благодѣтелемъ своего народа и глубоко уважалъ его.

Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ по еврейски, оставили Эсеиръ. Рава, увидѣвъ покровителя, не счелъ нужнымъ дальше провожать ее и вернулся въ замокъ.

Старый Левко, шепча ей что то на ухо, увелъ за ворота. Но все, что она слышала отъ него, едва ли понимала.

Ведя ее подъ руку, онъ управлялъ ею, такъ какъ она не сознавала, куда шла, и, доведши до подошвы горы Вавеля, гдѣ ее ожидалъ ея экипажъ, посадилъ въ него и велѣлъ кучеру ѣхать въ Лобзово. Старая слуга, ожидавшая въ экипажѣ, обняла ее и держала всю дорогу, потому, что на нее нашелъ какой то столбнякъ.

Дѣти ужъ спали, когда ее привезли въ Лобзово и положили въ безпамятствѣ въ постель. Въ продолженіе всѣхъ дней передъ смертью короля никто изъ замка даже не заглянулъ къ ней... Быть можетъ Казиміръ и желалъ видѣть ее или дать знать о себѣ, но стоявшій на сторожѣ капелланъ, епископъ и другіе духовные не допускали даже мысли о ней.

Передъ самой кончиной короля, старый Левко пришелъ къ ней. Онъ зналъ Эсеиръ, что никакія просьбы, ни утѣшенія не могли уменьшить ея страданій и жалости по королѣ. Онъ только принесть извѣстіе, что Казиміръ, въ послѣднемъ своемъ распоряженіи, о которомъ онъ узналъ отъ Вѣржинка и о. Суховилька, не забылъ Немира и Яна Богуту.

Несмотря на сопротивленіе духовенства, онъ завѣщалъ имъ имѣнія Кутавъ, Юрничъ и Другню, а кромѣ того — нѣкоторое движимое имущество на память.

Эсеиръ выслушала его разсказъ съ отчаяннымъ равнодушіемъ, которое не оставляло ее съ момента прибытія короля въ Краковъ.

Старикъ, видя, что онъ не произвелъ на нее этимъ извѣстіемъ никакого впечатлѣнія и даже не былъ увѣренъ, что

она поняла его, закончилъ свой разсказъ цитатой изъ какого-то псалма, а затѣмъ, взглянувъ на нее съ состраданіемъ, удалился изъ Лобзова, поручивъ слугамъ наблюдать за несчастной. Въ такомъ безмолвномъ состояніи Эсѣиръ пребыла до утра, когда звонъ колоколовъ всѣхъ церквей оповѣстилъ ее, что все было навѣки покончено. Она не могла плакать...

Черезъ три дня по смерти короля, его похоронили очень тихо и скромно, далеко не соотвѣтственно величію и заслугамъ покойнаго, ибо духовенство даже мертвому не хотѣло простить смерть Барычки. Особенное торжество его похоронамъ придавалъ только народъ. Изъ рыцарей, дворянъ и чиновниковъ присутствовали только тѣ, которые должны были присутствовать по своей служебной обязанности; а тѣ изъ людей, которые теряли въ покойномъ государѣ своего отца-покровителя, толпились на дворахъ, не имѣя возможности попасть въ небольшой, переполненный соборъ. Народъ стоялъ съ обнаженными головами въ торжественномъ молчаніи, искренно оплакивая своего благодѣтеля. Когда сановники съ безпокойствомъ ожидали прибытія новаго государя, народъ чувствовалъ, что другаго такого, какъ покойный, у нихъ больше никогда не будетъ.

Во всемъ городѣ царствовала неподдѣльная печаль.

Евреи, которымъ было запрещено близкое присутствіе на похоронахъ, стояли вдали, желая почтить память благодѣтеля и выразить свою благодарность послѣднимъ „прости“!

Левка послѣ похоронъ поѣхалъ въ Лобзовъ. Его ужъ ожидала въ дверяхъ старая Рухля и предупредила, что въ состояніи Эсѣири не произошло никакихъ перемѣнъ, и что она не выходила изъ столбняка.

Старый еврей постоялъ, подумалъ немного и все-таки вошелъ въ комнату; но Эсѣиръ какъ будто не видала и не слыхала его прихода; она устремила свои сухіе глаза куда-то вдалъ, въ которой, очевидно, пребывала душой.

Левко долго стоялъ задумавшись передъ нею, какъ бы подыскивая средства, чѣмъ расшевелить ее и привести въ чувство. Наконецъ, онъ взялъ за руку Немира и дѣвочекъ, подвелъ ихъ къ матери, велѣлъ взять ее за руки и звать по имени. Онъ ждалъ благопріятнаго результата при звонкихъ и нѣжныхъ голосахъ плачущихъ и умоляющихъ дѣтей.

Дѣти начали тормошить ее, называя ласкательными словами: „мама!.. мамочка!.. дорогая, милая!.. приди въ себя!..“

Очевидно, это подѣйствовало, ибо она внезапно вздрогнула, обвела всѣхъ безумными глазами и, постепенно приходя въ себя, разразилась громкими рыданіями.

Левко подошелъ къ ней и внушительнымъ голосомъ началъ призывать ее, во имя материнскихъ чувствъ, къ жизни. Отвѣтомъ на это были только ея слезы. Это доказывало, что она жила, чувствовала, страдала и понимала.

Старикъ сѣлъ на скамейкѣ и ужъ болѣе спокойно продолжалъ:

— Твое сожалѣніе естественно... Кто же не пожалѣетъ и не станетъ оплакивать такого государя!.. Люди будутъ вспоминать о немъ многіе вѣка съ уваженіемъ и почитать его память; но матери не слѣдуетъ убиваться отчаяніемъ... Великое счастье и честь постигли тебя, дочь Израиля!.. Ты держала въ десницѣ своей сердце государя, который остался вѣренъ тебѣ до конца жизни; но за такое счастье Господь повелѣваетъ платить слезами и огорченіемъ и да будетъ благословенно имя Его въ нашемъ горѣ и слезахъ!.. Дѣти нуждаются въ твоей жизни и ты должна жить для нихъ.

Эсѣиръ взглянула на него своими заплаканными глазами.

— Не удивляйся, Леви, моей жалости и не сочти ее за грѣхъ,—наконецъ отозвалась она усталымъ голосомъ.—И я благословляю имя Господне, но никогда ни одна женщина не была такъ несчастна, какъ я... Для него я отлучилась отъ нашего народа, отреклась отъ крови и родныхъ, и кто теперь протянетъ мнѣ руку помощи и приметъ къ себѣ?.. Изъ любви къ нему люди станутъ ненавидѣть и презирать меня... а вы?.. И между вами я мѣста не найду... Значить я должна остаться одинокой, отлученной и проклятой...

— А дѣти?—воскликнулъ Левко.—Дѣти замѣнятъ тебѣ всѣхъ... Не думай, что народъ твой станетъ отталкивать тебя, ибо помнись, что ты сдѣлала для него,—не отвергнетъ и не станетъ порицать, а напротивъ,—будетъ уважать.

Оба замолчали. Эсѣиръ плакала.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ съ совѣтомъ,—прибавилъ старикъ.—Тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь и ждать, пока не-

милосердные люди прогонять тебя съ дѣтьми изъ-подъ этой крыши. Ради доброй памяти къ королю, ты должна оставить этотъ домъ.

Эсеиръ подняла глаза и остановила на немъ свой взглядъ, потѣмъ посмотрѣла на стѣны и на все окружающее ее... Все напоминало ей короля и она опять заплакала.

— Да! — воскликнула она, — обвиняя своихъ дѣтей. — Я должна защитить себя и дѣтей отъ срама... Уѣдемъ... только не въ Краковъ, а въ старый домъ моего отца, въ Опочку... Уѣдемъ... Если вздумаютъ отнимать у меня, что онъ мнѣ далъ, то пусть отнимаютъ... Все-таки у меня останется еще столько, чтобы дожить до гроба...

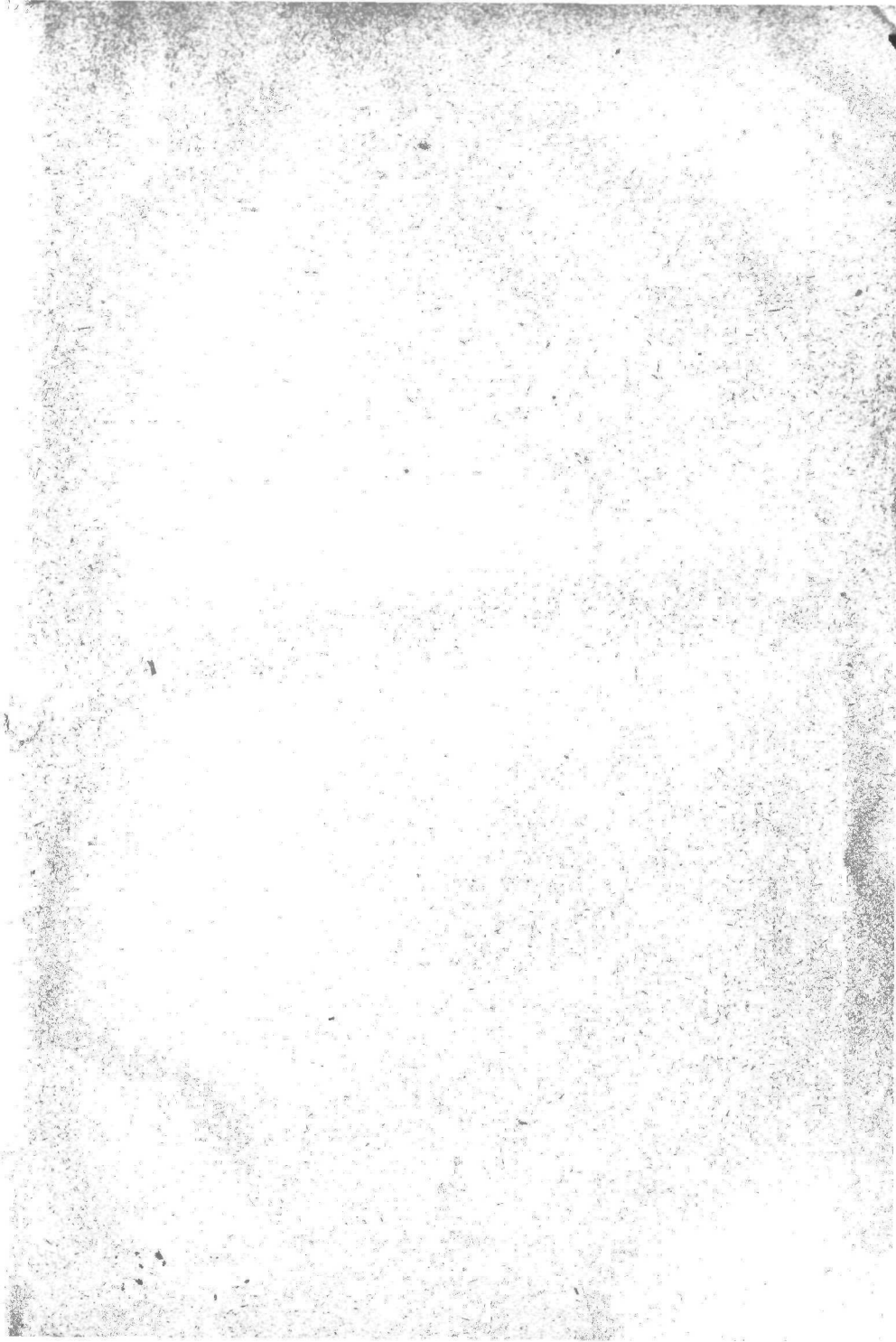
Левко не отвѣтилъ и всталъ. Онъ думалъ и уже распорядился совѣмъ иначе. Предвидя отъѣздъ изъ Лобзова, онъ заготовилъ телѣги и приказалъ все движимое имущество Эсеири укладывать на воза.

Наслѣдіе послѣ великаго короля, который, помимо своихъ великихъ дѣяній, оставилъ громаднѣйшія богатства, не виданныя въ Польшѣ съ Болеславовскихъ временъ, — должно было распасться на многочисленныхъ наслѣдниковъ. Величайшіе изъ сановниковъ шли навстрѣчу королевѣ Елизаветѣ и Людовику, и никто не думалъ о бѣдной Эсеири, точно также, какъ и о вдовствующей королевѣ, которая даже не располагала сердцемъ покойнаго мужа.

Такимъ образомъ, Эсеири дана была полная возможность спокойно уѣхать изъ Лобзова безъ всякихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ.

Эсеиръ пережила только два года короля, дѣти котораго были забыты и должны были погибнуть, унося съ собою въ могилу его любовь и честь. На Пястовскій престолъ вступилъ венгерскій король, чуждый для Польши, любовь котораго никто даже не стремился пріобрѣтать. Онъ чуждъ былъ для края, а тѣмъ больше для народа.

Холопскій король унесъ съ собою въ гробъ это прозвище вмѣстѣ съ великими дѣяніями своего царствованія, оставляя послѣ себя незыблемую память потомству.

Въ Главной конторѣ журнала „СВѢРЪ“ (Спб. Невскій, 170) продаются:

РОСКОШНЫЕ ПОРТРЕТЫ
2 р. Е. И. В. Государя Императора 2 р.
НИКОЛАЯ II;

художественно исполненные по особому заказу (въ 19 красокъ, вышиною—15 верш. и шириною—12 верш.). Цѣна 2 руб. съ перес., а для гг. подписчиковъ журнала „СВѢРЪ“, казенныхъ учреждений и школъ—1 руб. съ перес.

СОБРАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

Генрика Сенкевича

1) «Отъемъ и мечомъ»—въ 4 ч. (in 8°, 661 стр.). Цѣна: 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 коп. 2) «Потопъ»—въ 6 ч. (in 8°, 1058 стр.). Цѣна: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 3) «Панъ Володыевскій»—въ 3 ч. (in 8°, 552 стр.). Цѣна: 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Покупаящіе всѣ 3 романа платятъ 5 р., съ перес. 6 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

4 р. **Н. Д. АХШАРУМОВА.** 4 р.

Въ 10 томахъ.

Съ приложеніемъ портрета автора, его автографомъ и біографическимъ очеркомъ л. Сорокина. **Томъ I:** „Чужое имя“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я*, гл. I—Наслѣдство. II—Родственники. III—Свиданіе. IV—Полюбовная сдѣлка. V—Дорога. VI—Рубиконъ. *Часть 2-я*, гл. I—Товарищи. II—Розыскъ. III—Визитъ. IV—Лабиринтъ. V—Ариадна. **Томъ II:** „Чужое имя“, ром. (окончаніе). *Часть 3-я*, гл. I—Сосѣди. II—Суженый. III—На новыхъ мѣстахъ. IV—Гость. V—Съ глазу на глазъ. VI—Кузины. VII—Открытія. VIII—Объясненія. IX—Расчеты. X—Итоги. „Ночное“, разсказъ. — „Смерть Слѣпцова“, кавказская быль. **Томъ III:** „Нонцы въ воду“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я* гл. I—VII: Кузина Оля. *Часть 2-я*, гл. I—XII: Жюли. *Часть 3-я*, гл. I—XVI: Каменный гость. — „Мандаринъ“, романъ въ 4-хъ ч. *Часть 1-я*, гл. I—XV, **Томъ IV:** „Мандаринъ“, ром. (окончаніе). *Часть 2, 3 и 4-я.* **Томъ V:** „Двойникъ“ повѣсть. Предисловіе. I—Болѣзнь. II—Кризисъ. III—Ампутация. „Игрокъ“, повѣсть въ 2-хъ ч. **Томъ VI:** „Мудренное дѣло“, очеркъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я:* Отсталый. *Часть 2-я:* Между словомъ и дѣломъ. *Часть 3-я:* На дѣлѣ. **Томъ VII:** „Грандана лѣса“, сказка въ 2-хъ ч. **Томъ VIII:** „Натурщица“, юридическая фикція. — „Во что-бы ни стало“, романъ въ 3-хъ ч. *Часть 1-я:* Дѣло Лизы. **Томъ IX:** „Во что-бы ни стало“, ром. (продолженіе). *Часть 2-я:* Принцесса въ поденщицахъ. **Томъ X:** „Во что-бы ни стало“, ром. (окончаніе). *Часть 3-я:* Отказъ отъ наслѣдства. — Выброшенная за бортъ.

Цѣна за 10 томовъ: 4 р. безъ перес., 5 р. съ перес.; въ роскошныхъ переплетахъ изъ двѣтного англійскаго коленкора съ чернымъ и золотымъ тисненіями—5 р. безъ перес., 6 руб. съ перес.

Гг. подписчики „СВѢРА“ за пересылку не платятъ. Высылка производится немедленно по полученіи руб. задатка (деньгами или почтовыми марками). Съ наложеннымъ платежмъ, безъ задатка, изданія не высылаются.

17-5

17-5

7. g. Kamm

Hofprocurator

Gc.

2.

Kamm

Kom

Has

Abt

Nr